

АЛЕКСАНДР РОМАНОВСКИЙ

ТЬМА – ПОСВЯЩЁННЫМ

Леонард Краулер

Александр Романовский

Тьма – посвящённым

«Романовский Александр Георгиевич»

2010

Романовский А. Г.

Тьма – посвящённым / А. Г. Романовский — «Романовский Александр Георгиевич», 2010 — (Леонард Краулер)

ISBN 978-5-9942-0498-6

«...Изучить лицо Узника было делом весьма трудным. Не только оттого, что альбинос самым бесцеремонным образом избегал смотреть ему в глаза, а, главным образом, оттого, что оное лицо отражало, подобно зеркалу, всякий взор, и умело отводило в сторону, подобно шпаге дуэлянта, – не особо узкое, не особо широкое, со лбом философа, подбородком драчуна, и губами любовника. Нос с горбинкой, и все-таки не столь впечатляющий, как у Вурдалаков. У глаз – смешливые морщинки, на голове – серая щетина, как жесткая щетка...»

ISBN 978-5-9942-0498-6

© Романовский А. Г., 2010

© Романовский Александр
Георгиевич, 2010

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	45
-----------------------------------	----

Александр Романовский

Тьма – посвящённым

Дверь, плотоядно чавкнув, закрылась за спиной Леонарда.

Альбинос, как ему мнилось, был готов ко всему, но, как обыкновенно это выходит, оказался более чем обескуражен. К собственному удивлению, он очутился в самой что ни есть темнице сырой: грубые каменные стены – отнюдь не муляж; на ощупь такие же твердые, холодные и каменные, как и на вид, – неровный пол, еще более неровный потолок, под коим болтались те самые раритетные светильники (еще немного, переборщи бы Вурдалаки с натурализмом, и оные лампы коптели бы керосин), что демонстрируют в фильмах о забытых рудниках.

Данный, к прискорбию мрачный интерьер изобилдовал черными, серыми и коричневыми тонами (-полу), а также блуждающими тенями, рассыпанными вокруг в великом множестве. Ничто, ни один клочок белизны не напоминал о диком пиршестве «hi-tech», оставшемся в каком-то шаге от порога, о сложных приборах, компьютерах, белых панелях и лампах дневного света.

Не будь Краулер столь прагматичным и корыстолюбивым вампиром, пребывающем в рабстве прогресса и материальных благ, а потому не особо склонным к беспочвенным домыслам, то онный сибарит бы непременно заподозрил, что машина времени все же существует. Более того, она вмонтирована в дверной проем, и – еще более того!.. – Лео совершил путешествие во времени, перенесясь прямиком в средневековые дебри, ничуть о том не догадываясь.

На стене висела изъятая червями и энтропией дощечка, которой кто-то наспех придал форму указательной стрелки. Надпись, сделанная на ней же, гласила: «Узник». Глаза Лео автоматически пошарили в поиске других указателей, как то – «Тигры», «Львы», «Обезьяны», но («здесь вадица только узник»), чуть ниже, нашел лишь застекленную рамку с неким текстом, озаглавленным весьма незатейливо: «Памятка посетителя (с абзаца), или правила пользования данным узилищем». Оставалось удивляться, отчего же, в традиции с интерьером, ее не выбили прямо в камне, на манер Флинтстоунов.

Будучи не только прагматичным, но и осторожным вампиром (в том, что касалось средневековых темниц, где не знаешь, каких сюрпризов ожидать от каждого нового шага), альбинос скрупулезно ознакомился с памяткой.

Вот ее содержание:

«Памятка посетителя, или правила пользования данным узилищем».

Правило первое: нарушив какое-либо из нижеследующих правил, вы обрекаете себя на скорую и мучительную смерть.

Правило второе: ни при каких обстоятельствах не совершайте ничего такого, о чем просит/умоляет/приказывает Узник (в частности, не пробуйте открыть двери, разбить окно, или освободить его каким-либо иным способом).

Правило третье: не передавайте Узнику различного рода предметы и вещи (в частности, оружие, ключи, отмычки, оборудование для сварочных работ, взрывчатку, и т. п.). Если Узник захочет что-то передать ВАМ, не берите.

Правило четвертое: опасайтесь гипнотического влияния Узника. Если же оное влияние все-таки имеет место, по возможности быстро лишите себя жизни.

Правило пятое: не кормите Узника.

Правило шестое: не прикасайтесь к стеклу.

Правило седьмое: если вы нарушили какое-либо из 2-6 правил, и вам кажется, что вы все еще живы, см. Правило 1.»

По прочтении Краулер почувствовал себя более чем неудобно. Он бы с прискорбием кивнул, если бы здесь же висел шкафчик, в которой можно было бы разжиться капсулой с циани-

дом. Но, к счастью, ничего подобного не наблюдалось, а потому оставалось заподозрить, что, по предписанию 4-го Правила, нарушителю следовало собственными зубами перегрызть себе вены.

Таким образом, альбинос воспрял духом, и двинулся дальше.

Он нервничал, даже несколько беспокоился, ну а кто бы на его месте не нервничал?..

Коридор предсказуемо быстро повернул под прямым углом. Леонард сбавил шаг, придавая фигуре осанку, а лицу – хладнокровие, и, самую малость, высокомерие кредитора, посещающего заблаговременно неплатежеспособного должника.

Однако, стоило войти в комнатку, коей оканчивался коридор, как все его напускное хладнокровие, не говоря о горделивой осанке, точно ветром сдуло.

Из-за стекла на него смотрел Узник.

Собственной персоной.

Спокойный, благожелательный.

С обезоруживающим интересом, как разглядывают занятную зверушку.

Смертельно опасный.

Краулер с антигеройской (впрочем, стыдиться сего он и не подумал) поспешностью отвел глаза, пока, на полной скорости, их не переехали два пронзительно-серых грузовика, ввиду чего успел заметить лишь общее выражение лица.

Узник был умиротворен, как ромашка на весеннем лугу.

Альбинос кашлянул.

Он сник.

Растерялся.

Ужаснулся.

Изумился.

Главным образом потому, что Узник – так зачастую бывает – оказался совсем не таким, каким Лео ожидал его увидеть. Не здоровенный монструозный субъект с торчащими изо рта клыками, а серым, почти невзрачным, и таким СРЕДНЕСТАТИСТИЧЕСКИМ. Среднего роста, худощавым, узким в кости.

В какой-то миг, балансирующий между замешательством и паникой, Краулер заподозрил, что его пустили куда-то не туда, не в ту камеру, и что – он даже огляделся – там, за стеклом непременно должен находиться кто-то еще, – но, увы, узник был один. И это, оставалось предположить, и был легендарный Узник. Лео удрученно осознал сие, когда ощутил метущуюся в застенке ауру – неистовую, недобрую, пронизанную разрядами энергии, точно грозовое облако.

Изучить лицо Узника было делом весьма трудным. Не только оттого, что альбинос самым бесцеремонным образом избегал смотреть ему в глаза, а, главным образом, оттого, что оное лицо отражало, подобно зеркалу, всякий взор, и умело отводило в сторону, подобно шпаге дуэлянта, – не особо узкое, не особо широкое, со лбом философа, подбородком драчуна, и губами любовника. Нос с горбинкой, и все-таки не столь впечатляющий, как у Вурдалаков. У глаз – смешливые морщинки, на голове – серая щетина, как жесткая щетка.

Узник походил на представителя всех трех Кланов, и, одновременно, ни на какого в особенности.

Влад улыбнулся.

Весело.

Деликатно.

Располагающе.

Затем произнес:

– О, родственник.

Краулер поежился. Действительно, его предки были из Румынии, но вспоминать о таком родстве – а, тем более, упоминать, – было чрезвычайно опасно. Впрочем, дальнем родстве, благодаря чему родичи не подверглись репрессиям.

Голос Узника был удивительно приятным для вампира, который месяцами обходился без общения. (?..)

– Э-э... Граф, – метко выдавил альбинос. – Лео Краулер. Доброй, гм-м, ночи.

– Так уж ночь настала?.. – с деланным удивлением справился Цепеш. – Видишь ли, тюремщики содержат меня в неведении касательно того, что творится в мире: воюют ли державы, чей зад воссел на трон, и – даже это – по-прежнему ли ночь сменяет день, как это было в славные годы моей молодости...

Леонард придирчиво обдумал ответ. Насколько он помнил, никто не уполномочивал его на то, чтобы посвящать заключенного в последние мировые новости (под «последними», очевидно, следовало понимать два-три минувших столетия), зачитывать длинный список локальных конфликтов, ведущихся совсем уже не «огнем и мечом», как Цепеш привык, а экономическими санкциями и обогащенным ураном, – с дистанции полета ракеты «земля-воздух-земля». Пытаться же растолковать, по каким причинам многовековой уклад жизни был разрушен, и «трон» сменился непомерным количеством болтунов, каждый из которых тянул одеяло на себя, было вовсе делом безнадежным.

Поэтому Краулер ограничился тем, что промямлил:

– Гм-м, сменяет... граф. – Звать Узника «его благородием» не позволял тюремный этикет.

– Отрадно слышать, дражайший родственничек, отрадно...

Альбинос вздрогнул, причем еще сильнее, чем прежде. Такое бывает, когда одно из опаснейших существ на этой планете зовет вас «дражайшим родственничком» непосредственно из своей темницы. Лео всерьез обеспокоился тем, что, если Вурдалаки подслушивают – а так, несомненно, оно и было, – то они, чего доброго, могут решить, будто бы он намерен вступить с Узником в сговор, целью коего стала бы вероломная и преждевременная амнистия.

– Но... – Единственная трезвая мысль, затерявшись в потоке опасений и паники, всплыла наконец на поверхность: – Как вы поняли? Мы никогда не встречались...

– Мне не нужно ВИДЕТЬ родную кровь, – нарочито, но не надменно – «И как это у него получается?.. – невольно подивился Краулер – сказал Цепеш, – чтобы ее почуять. В заточении чувства обостряются до неимоверной степени.

«Охотно верю», – едва не брякнул «уполномоченный». Вместо же этого он глубокомысленно изрек:

– Хм-м...

– Ты так и будешь издавать нечленораздельные звуки? – пугающе резко осведомился граф. – Это некая новая пакость, выдуманная Вурдалаками с тем, чтобы мне досадить?! Или, возможно, ты все-таки посвятишь меня в цель твоего визита?..

Альбинос открыл рот, чтобы возложить к ногам Узника неуклюжие и сбивчивые извинения, но вдруг понял, что у него, как ни странно сие звучало (в контексте многих лет, в течении которых имя Дракулы довлело над людскими умами), есть преимущество. Графу любопытно. В него жизни не так много событий, чтобы пренебречь гостем извне – причем не тюремщиком, а Гирудо. Более того, «дражайшим родственничком». Поэтому он сгорал от нетерпения.

Разумеется, Лео не считал себя столь жизнеспособной особью, чтобы на этом спекулировать, однако, счел уместным выдержать некоторую паузу.

Это дало ему возможность оглядеться. Неприятательное, но ни в коем случае не располагающее к духовному или физическому отдохновению помещение являлось логическим продолжением коридора: такие же грубо вырубленные стены, неровный пол и гнетущая близость потолка. Комната была разделена надвое стеклянной стеной – единственное, что напоминало

о техногенных излишествах, бушующих в наружном мире. Стекло, хотя и было чрезвычайно прочным, пуленепробиваемым (а равно, непробиваемым для чего-либо иного – кирки, лома, сверла или заурядного кулака), и, вероятно, изумительно толстым, но, за счет своей чистоты и прозрачности хрустального бокала, ничуть не производило впечатление той несокрушимой межи, коей, несомненно, служило по своей тюремно-исправительной сути.

Краулер жутко терзался от ощущения уязвимости и беззащитности, и справедливо полагал, что переживал бы значительно меньше, будь на месте эфемерного стекла не столь элегантная, но куда более твердая и НЕпрозрачная листовая сталь. Но, как и в тысяче подобных случаев, выбрать не приходилось.

Помимо очевидных недостатков, у бронированного стекла было и не столь явное преимущество – оный хрусталь позволял невозбранно окинуть любопытным взором все то, что составляло личную жизнь Узника. И, признаться, это было немного. Лео видал куда более обстоятельные образчики личной жизни даже у последних негодяев. Взять того же Ригера – в какой-то степени он также был узником, но уже собственной физиологии. Зато у него был телевизор.

У Влада Цепеша не было не только TV, но и радио, вещающего одну-единственную волну, на которой политики пустословили о своих мнимых достижениях. Все, что у него имелось, выбило бы слезу у уголовника, «мотающего» пожизненный срок в одиночной камере. Металлический столик, умывальник, унитаз, полка с ветхими книжонками, альбом с карандашными набросками, и узкая, ужасающе жесткая на вид койка. Воздух поступал из зарешеченной отдушины под потолком, в которой сонно вращался вентилятор.

В дальнем нижнем углу стеклянной стены размещалась узкая дверца, каковая не смогла бы пропустить через себя и откормленную крысу, и, тем не менее, в дужках висел здоровенный навесной замок. Краулер озадачился было, каким образом он слышит графа, и как тот слышит его, как тотчас же заметил над головой приемо-передающее устройство, откровенно отдающее тюремным духом. Оно прилегало к стеклу, и, вероятно, считывало колебания оно, вызванные голосом и другими звуками. Второй такой же прибор, нужно думать, развлекал Узника. Все это внушало тревогу само по себе.

Альбинос невольно преисполнился сочувствием к Цепешу, и едва не нарушил Правило 4¹, ввиду чего был вынужден напомнить себе некоторые обстоятельства. Перед ним стоял не какой-нибудь диссидент, осужденный за инакомыслие, а самый опасный и жестокий душегуб ВСЕХ всех времен, рас и народностей, применительно к коему эпитет «кровожадный» отчасти терял смысл, а отчасти – наполнялся радикально новым. Будто дымящаяся ванна стареющей аристократки, возжелавшей в своем безумии жить вечно. (Кстати говоря, по некоторым данным она дама числилась в наложницах тогдашнего графа.) Злодеяния сего рыцаря Дракона по сегодняшний день заставляли Вурдалаков краснеть, а Упырей (даже Корда со Слэггом, широко известных профессионализмом в жанре человекоубийства), – смущенно шаркать ножками. Ничего подобного ни прежде, ни после не совершал ни один вампир.

Будь вампиризм общедоступным фактом, Влада судили бы в Гааге по всем предписаниям международного права за бессовестные преступления против человечества («Вот было бы шоу!...» – с азартом телепромоутера опечалился Леонард), а затем подвергли бы казни через пронзание осиновым колом.

«Пронзатель» получил бы по сомнительным заслугам.

Он был самым последним мерзавцем из всех, известных Краулеру (а тот водил знакомство не с самыми приятными обитателями мира сего), и в один исторический момент речь всерьез шла о том, лишить ли его главной льготы – на жизнь. Многие учтивые старейшины Кланов, не отличающиеся особой кровожадностью (как, к примеру, Огастус, к тому времени

¹ «Опасайтесь гипнотического влияния Узника».

почти «завязавший» с внутренним употреблением крови), твердили, что, мол, да, необходимо лишить.

Но Вурдалакам удалось умиловить Совет.

В итоге – Лео стоял перед стеклом и тщательно припоминал, почему не стоило преисполняться симпатии к этому Узнику – столь обаятельному на первый взгляд. Взгляды, впрочем, были тем самым, с чем следовало обращаться особенно осторожно. Правило № 4 внушило «уполномоченному» сверхъестественный ужас.

Совершенно некстати альбинос задумался, какой выбор бы сделал он сам, если бы от его решения – в том или ином процентном соотношении – зависела жизнь Цепеша, и – не нашел ответа. Молодой Краулер никогда не решал подобных вопросов, да, в сущности, не стремился решать. Ему было чрезвычайно удобно в его теплой, герметичной раковине. Как и всем нам, мои маленькие кровососы.

Граф не выдержал первым. Не иначе, сказывались десятилетия, проведенные в столь приятном, хотя и слегка вспыльчивом обществе, как собственная персона.

– Что молчишь, кретин? Зачем ты приперся?! – С этими словами Влад наградил гостя взглядом, заморозившим внутренности Леонарда до самых кишок.

– Ну... – Из рта вырвалось белое облачко пара: – Простите, граф. Мой визит – точнее, цель одного – носит более чем щекотливый характер, поэтому мне следовало собраться с мыслями. Видите ли... – Он помедлил, лишь сейчас сообразив, что «собраться с мыслями» и впрямь было бы нелишним, причем – в свое время. Но вынуждать Цепеша ждать и дальше граничило с безумным желанием девицы, претерпевающей критические дни, окунуться в кишашую пираньями Амазонку. – Вы не забыли Череп, мой господин? – дерзко нашелся «уполномоченный». Нет ничего лучше дурацкого вопроса, когда нужно выиграть время.

– Череп?.. – видимо, НЕ С ЗАГЛАВНОЙ БУКВЫ спросил когдашний рыцарь Дракона, менее всего ждавший такого вопроса. – Ты, должно быть, имеешь в виду Череп Гозалдуса, мой юный родич?.. Разумеется, я помню о нем, хотя и не подозревал об этом до сего момента. Как любопытно... – На минуту граф замолчал, гипнотизируя пол – очевидно, по привычке, ведь в беседах с самим собой есть одно немаловажное преимущество: собеседник никуда не уйдет, и будет деликатно ожидать ответа столько, сколько понадобится.

В свою очередь, ждал и альбинос.

– Впрочем, – внезапно, с той же интонацией продолжил Узник, будто долгой паузы не было вовсе (Лео, как и в прошлый раз, едва успел отвести взгляд), – мерзкая штука никогда меня особенно не занимала, и, тем более, не привлекала. Я люблю вещи возвышенные, изящные, даже одухотворенные, если желаешь. И здесь, в моем мрачном узилище, меня греет память о них. Обо всех прекрасных ВЕЩАХ, которыми я когда-то обладал, держал в этих самых руках, согревал своим дыханием, а затем – выпивал все соки... – Краулеру не требовалось смотреть в глаза Цепеша, чтобы заметить, как те алчно вспыхнули, точно фары. – Но Череп – нет. Определенно, мне никогда не было до него никакого дела. Я мог бы его заполнить, если бы только пожелал, но – зачем?..

– А как же предания седой старины, граф?.. – осторожно осведомился альбинос, точь-в-точь служитель зоопарка, подталкивающий сквозь прутья решетки кусок мяса к сонному тигру. – Сила, которую получит обладатель Черпа?..

– Бред, – безапелляционно ответил Узник, – истории для романтично настроенных барышень. Сияющие, как армарочная мишура, и столь же бесполезные. Ну подумай, какая в наши дни может быть сила, или, тем паче, могущество?.. Истинной властью ныне наделены лишь короли и императоры. Делиться с кем-либо они не намерены. Августейшие паршивцы лишь играют в политику, на самом деле они давно обо всем договорились. Как удерживать подданных в черном теле, развязывать войны, и вольготно шуровать означенных подданных в жерло этих самых войн, не утруждаясь подсчетами... – Вампир сокрушенно качал головой. –

Прошли те времена, когда мужчина с мечом в руке мог сесть на трон, мокрый от крови, и толпа бесновалась – «Король умер, да здравствует король!». Впрочем, – наморщив лоб, Влад что-то извлекал из недр своей памяти. – Недавно мои тюремщики обмолвились, что, мол, какой-то безродный паренек за считанные годы проделал путь от простого солдата до императора, и собственноручно возложил корону на свое чело. Бонапарт, кажется, его звали, или как-то вроде того. Правду сказали?..

Лео замялся. Его сразило это «недавно». Кроме того, меньше всего он ожидал от Цепеша воззрений и высказываний явного левого толка. Кто бы мог подумать?.. Во время Буржуазной революции он пришлось бы аккурат к месту, и, по всем вероятиям, не только потому, что кровь текла под гильотинами ручьями.

Хотя, конечно же, еще и поэтому.

– Да, правду, – промямлил Краулер.

– Пусть так, – признал граф с готовностью. – Но, в сущности, это лишь подтверждает мою правоту. Сей Бонапарт изначально обладал Силой, давшей ему впоследствии и корону, и Могущество. Не важно, как ее называть: судьбой, предназначением, или просто талантом. Он не принимал этого в дар, не покупал, и не приобретал каким-либо иным способом, помимо самого факта своего рождения. – Узник воззрился на «уполномоченного» сурово, как строгий наставник. – А с твоим Черепом все обстоит с точностью до наоборот. Неужто он способен подарить некую колоссальную Силу любому ничтожеству?..

«Этого-то, умник, и боимся», – подумал альбинос, но вслух ничего не сказал.

– Помимо того, – не унимался заключенный, – старая мерзость прорву времени хранилась Кланами, то одним, то другим. Ни один не получил от Черепа ничего, что в большей или меньшей степени походило бы на Силу, и, тем паче, Могущество.

– Необходим еще один артефакт, – заметил Лео, ощущая прилив крови к органам компетенции и осведомленности. Поставить самого Пронзателя на место, – что может быть лучше? (Толстое же стекло делало это не только приятным, но и безопасным.) – Лапа. Реликвия ликантропов, оберегаемая Стаей веками.

– Ах да, припоминаю, – с легкой усталостью с голосе сознался Влад. – Еще один, допустим. И, собственно, что с того? Зачем ты напоминал мне о какой-то мертвечине?..

– Череп похитили, – без притворства и лукавства, с подкупающей (как ему казалось) прямоотой выдал Краулер. – Из Зала Заледеневшей Вечности, среди бела дня.

– Гос-сподин!..

– Ну что за унылый сарай? – Не обращая на подчиненного внимания, «гос-сподин» брезгливо озирался. – Считать его «поместьем» можно только по дикому недоразумению.

– Гос-сподин!..

– ЧТО?.. – прошипел шеф еще более мерзко, чем подчиненный.

– С-смотрите. Добротный костюмчик, да?.. А это было в кармане. Этот болван любит комикс-сы.

– А ну-ка, дай сюда. – Высокая костлявая фигура небрежно полистала книжицу.

– Что-то с-серьезное?..

– Нет, пустяки. Не иначе, этой чушью его снабдил Ригер. Два идиота. Наш малыш, видимо, думает, что на верном пути. Не станем его разочаровывать.

Силуэт закрыл комикс и аккуратнo вернул в карман «Armani».

Цепеш упер в него каменный взгляд, весивший целую тонну. Люди – впрочем, не только они – цепляют на физиономии такие выражения, когда пытаются сообразить, идиот ли их собеседник, или же речь шла о каком-то хитроумном юморе, который так сразу не раскусишь.

Затем, в зависимости от результатов, человек заливался смехом, либо многозначительно смотрел на часы.

Графу идти было особенно некуда, если не считать «параши», открытой всеобщему обозрению.

Поэтому он залился смехом. Раскаты одного прокатились по камере и заставили вздрогнуть даже бронированное стекло, не говоря о худосочном альбиносе.

Коему, в сущности, оставалось лишь ждать, тоскливо изучая корявый пол.

– Украли?.. – Смех иссяк, но хихиканье еще прорывалось, будто зерно из дырявого мешка. – Дела, дела. И кому, скажи на милость, понадобилась такая красота?..

– Мы не знаем.

– Ну разумеется! – воскликнул Узник. – Как же я сразу не догадался?.. Вот к чему эти прелюдии – Сила, и прочее. Череп украли, и вы понятия не имеете, кто его взял. Вот зачем ты здесь. Погоди-ка, – Влад придирчиво на него посмотрел. – ЗАЧЕМ ты здесь?.. Какое, дорогой родственник, ты имеешь отношение к краже?..

«Наконец-то», – подумал Лео и выпятил грудь, как представленный к очередной награде ветеран.

– Мой Клан уполномочил меня на оперативно-розыскные мероприятия, направленные на возвращение Черепа, – отчеканил он. – Любого рода, как вы понимаете...

О, в противном случае Цепеш был бы не Цепеш.

Но уточнил:

– В том числе, на, так сказать, собеседование со мною?..

– Ну-у... – Краулер уместно замялся. – Вообще-то, наша встреча – моя инициатива. Однако, если исходить из сути предоставленного мне пакета полномочий, да, в том числе...

– И, уверен, – перебил заключенный, – тебе выдали должным образом оформленные грамоты?..

Альбинос скривился. Заветное «Подателю сего» как нельзя лучше соответствовало формулировке «должным образом оформленные грамоты». В самом скрупулезном соблюдении бюрократических обыкновений Кланов, не менявшихся столетиями. Даже на Узника эта бумага произвела бы впечатление.

Если бы...

Если бы Лео оказался достаточно благоразумен, и, вместо того, чтобы вертеться перед зеркалом, позаботился бы о том, чтобы справка оказалась в кармане его нынешнего одеяния в первую же очередь. Но нет, он оказался совсем не таков.

– Гм... – Как ни странно, Краулер замялся еще более обоснованно. – Я оставил... Видите ли, так получилось... В общем, – лопотал он, – я позабыл документ дома. Но, уверяю вас, грамота первосортная, лучшего качества, с визой самого Огастуса...

Все то, что касалось того, что «так получилось», и «лучшего качества», Влад прослушал со скучающим выражением, но, едва услышав о Магистре, оживился.

– О, старина Гасси?! Еще на посту? Молодец! Я всегда говорил, он нас всех переживет!..

При словах «старина Гасси» альбинос внутренне передернулся, но не подал виду.

– Пожалуй. Мессир в отличной форме.

– Кто бы сомневался, – фыркнул Цепеш. – Он мумифицирует себя еще при жизни, чтобы служить для потомков говорящим наглядным пособием. Стало быть, грамот у тебя нет? – Вампир ткнул в Леонарда предварительно отточенный взгляд.

– Н-нет... То есть они у меня есть только я забыл их дома как и сказал абсолютно случайно, – протараторил Краулер, гадая, куда же теперь девать целую упаковку запятых.

Узник поморщился, будто отведал крови курильщика.

– Не тараторь, а говори членораздельно. В общем, как я понял, грамот у тебя с собой НЕТ. – Он пригвоздил альбиноса новым взглядом, подчеркнув, что не закончил. – Но с какой

статьи Огастус доверил это дело именно тебе? Ведь ты довольно юн. Или, возможно, ты успел зарекомендовать себя как чрезвычайно талантливый и деятельный вампир, обладающий острым и быстрым умом, и неустанно пекущийся о благоденствии Клана? Охотно поверю.

Лео приуныл. Если и была характеристика, наименее употребляемая к его гедонистской персоне, Влад ее озвучил. Однако, разочаровывать родича как-то не хотелось.

– Ну да, вроде того, – буркнул Краулер. – Мессир Огастус возлагает на меня определенные надежды, хотя мне не доводилось заниматься поисками украденных реликвий...

– Гасси подослал СТАЖЕРА?! – произнес Цепеш будто бы спокойно, но под потолком камеры, казалось, сгустилось компактное грозное облачко.

На несколько секунд сознание альбиноса превратилось в центрифугу стиральной машины. Он ошпаренно пытался уяснить, в чем же, собственно, состоит тонкий нюанс между «стажером» и его нынешним привилегированным статусом.

В итоге понял, что зайти следует с другой стороны, но не опускаться до банального «Будьте моим другом, крестный отец». (Хотя, это также могло бы сработать.)

– Я пришел, дабы приобщиться к Вашей мудрости, – вкрадчиво сказал Леонард, многоопытно обработав заглавное «В», благодаря чему оное обрело искомую округло-подобострастную форму. – Если, граф, вы решите, что я достоин сего бесценного дара. Возможно, вы сами определите, достаточна ли моя компетенция.

Узник вновь фыркнул, но уже не так унизительно. Что-то в его глазах изменилось (Краулер, само собой, не забыл о Правиле 4-м, и, тем не менее, был склонен полагать, что дело обстояло именно так). Какое-то время Влад молчал.

– О, ты рискуешь, полномочный Краулер. – Прохладно улыбнувшись, Цепеш предпринял новую попытку воткнуть взгляд прямо в глаз родича. – Очень рискуешь.

– Кто не рискует, тот не пьет «Jack Daniels», – проворчал альбинос.

Он неосмотрительно забыл, что Узник обладал на редкость хорошим слухом.

Даже для вампира. И, как видно, даже через бронированный стеклопакет.

– Понятия не имею, кто такой Джек Дэниелс, и отчего его кровь столь изысканна, – чопорно отвечивал Влад, – и, тем более, как этот смертный протянул так долго, чтобы войти в легенду. Но в твоём случае риск весьма и весьма ощутим. – Тут граф молниеносно спросил: – Что тебе сказал Кридус?..

– Кридус?.. – растерялся Леонард. – Ну, многое... Что, собственно, он должен был сказать?

– Обо мне. Что он сказал?..

– Ну-у... – Если ранее Краулер пребывал просто в растерянности, то в этот миг он пережил стресс человека, играющего в «Фиг отдадим миллион этому тупице», и застрявшего на финальном вопросе. – Гм-м... В смысле, я говорю, он отзывался о вас, граф, весьма хорошо, даже тепло – как о старом приятеле. Мол, вы по праву заняли место в истории, что вы действительно великий представитель нашего рода, чрезвычайно умны, если не гениальны, – дальновидно добавил альбинос, – пребываете в отменной физической форме, и, впридачу ко всему, обладаете хорошим чувством юмора. Ваше же заключение, большей частью, вызвано досадным стечением обстоятельств, но потомки непременно оценят всю красоту и поэтичность ваших деяний, непременно...

Взгляд Цепеша просверлил в груди Лео очередную дыру.

– Красоту и поэтичность, говоришь?.. Либо он совсем не тот Вурдалак, каким старается казаться, либо, БОЛЬШЕЙ ЧАСТЬЮ, ты мне врешь. И это, признаться, у тебя исключительно отменно выходит, о мой сладкоречивый родственник.

«Уполномоченный» хотел было начать оправдываться, как, собственно, следовало бы делать, когда вас уличает во лжи более опытный вампир, но вдруг, неожиданно для самого

себя, испытал негодование. Причем новое упоминание о кровном родстве послужило не главной причиной, – он уже привыкал.

– А вы чего ждали?.. – строго осведомился Краулер, едва сдерживаясь, чтобы не нарушить 4-е Правило. – Да, Кридус предостерег, что вы маньяк, в отношении которого слово «кроважадный» морально устарело. Жестокий и опасный зверь, посаженный на цепь. Не в последнюю очередь благодаря своему безумию. Причем, граф, вы безумны до такой степени, что умудрились убедить в этом себя самого! – выпалил альбинос и приготовился удирать во всю прыть.

Влад некоторое время молчал. Затем помолчал еще немного.

– А ты не так безнадежен, каким кажешься, – сказал он наконец. – И я, даю честное слово пожизненного узника, этому очень рад. Несмотря на все безвкусице твоего наряда, – Цепеш красноречиво, должно быть, окинул Лео взглядом. – Кожаные штаны, достойные сельского жителя, и эта дичайшая сорочка...

– Гм... Это для конспирации, – буркнул Краулер и сразу же прикусил язык. Ему менее всего хотелось обсуждать с Пронзателем нынешние моды. – М-да.

– И этот запах, – не унимался Влад. – Иногда ты душишься «Питоном» «Trussardi», но не сегодня. Нынче ты предпочел «Dunhill X-centric». Лосьон «Nivea», ментоловое великолепие которого бодрит даже твою омертвевшую кожу, и, конечно, «Aquafresh». Таким существам, как мы, нужно тщательно следить за своими зубками, верно?.. – Граф будто бы самым игривым образом подмигнул, хотя альбинос не был уверен. – По крайней мере, рановато им на полку.

«Уполномоченный» поежился. Тут он понял, что тревожиться нужно не о том, что Цепеш надеется каким-то образом прервать свое заключение, а о том, что, для «пожизненного узника», не видящего ни дня, ни ночи вот уже энное столетие, Влад на редкость хорошо информирован. И, вроде бы, даже не принимался.

– Не удивляйся, – сказал граф, читая лицо Лео, как электронную книгу (без зазрения совести слитую с пиратского сайта, кишашего редкостными модификациями вирусов-троянов) с лаптопа. – Видишь ли, это все, что мне, преимущественно, становится известно о переменах в верхнем мире. Ублюдки-Вурдалаки выдумали для меня очередную – гениальную, как им наверняка показалось – пытку. Сравнительно недавно, лет двадцать назад. Они с невыносимой методичностью снабжают меня кошмарной мишурой, именуемой «реклама».

Цепеш с презрением куда-то покосился, и Краулер изумленно обнаружил, что из-под альбома с рисунками пестро выглядывали истрепанные страницы, явно имеющие происхождение из какого-то глянцевого журнала, и, вероятно, не одного.

– И теперь я со всей определенностью осведомлен о том, – продолжил Узник, – что «Ariel» уничтожит любые пятна, пивовары компании «Tuborg» используют лучшие сорта ячменя, крем «Dove» сделает мою кожу мягкой и шелковистой, от подгузников «Pampers» попки младенцев сухие и нежные, а телефоны – я, признаться, понятия не имею, что это за адские штуковины – «Samsung» имеют самые красивые экраны. И что, в конце концов, ожидает жителей страны Мальборо.

Альбинос молчал, открыв рот.

– Что до запахов, которыми ты увешан, будто путана – грошовыми побрякушками, то у меня были ПРОБНИКИ. – Влад неопределенно кивнул в сторону нужника.

– А-а... Ну да, конечно, – кивнул Лео, перебирая ответы и склоняясь к тому, чтобы вообще избежать какого-либо (его потрясла душераздирающая история графа, особенно – ее финальный аккорд, но Вурдалакам навряд ли понравится, если он станет оспаривать их воспитательную методику). – Граф, что это за пейзаж?..

С самым непринужденным видом Краулер взглянул на альбом.

– Лондон, – чинно откликнулся Цепеш. – Вернее, катакомбы под ним. Узнаешь?..

Альбинос и впрямь узнавал. Пропасть глубиной в сотню метров, стены которой представляли собой древние захоронения. Узнику удалось отменно передать игру теней, а каменная кладка дышала историей, тайнами и стариной. На дне, как живая, колебалась туманная дымка, и где-то там, в ее недрах, была гробница.

– Ты видел ее, да?.. – спросил Влад, и, не дожидаясь ответа, воззрился на рисунок, словно тот принадлежал вовсе не его кисти. – Король былого и грядущего. Один из величайших вампиров, о котором нам лишь предстоит узнать всю правду.

Леонард счастливо улыбнулся. Невзирая на обстоятельства, ему было чрезвычайно приятно узнать, что столь сильный, и, по большому счету, почтенный вампир разделял сомнительную веру в то, что король Артур был вампиром. Официально Клань не поддерживали эту гипотезу, считая ее, мягко говоря, надуманной. Мол, красивая, но ничем не подкрепленная сказка.

Краулера, однако, она целиком и полностью устраивала. Кто из вампиров, забравшись в гробик с фонариком, не зачитывался историями о короле Артуре?..

При всем при этом, чтобы раззадорить графа (это было БЕЗОПАСНО, как скалится запертому в клетке тигру), и несмотря на свою детскую веру, альбинос рискнул:

– Небылицы, – небрежно произнес он. – Легенды о временах, которые лучше забыть.

– Глупец!.. – сдержанно рявкнул Цепеш. – Артур – вампир! Он просто отказался от крови, и, когда пришло время, погрузился в сон. Как, очевидно, когда-нибудь уснет твой Огастус. Только навряд ли его назовут хотя бы Королем Канцелярских Скрепок, не то что – Былого и Грядущего, ха-ха, хе хе!..

– Магистр – могучий мыслитель и холодный функционер, – тактично возразил Лео, несколько уязвленный тем, что о мессире отозвались в столь свойской манере. Впрочем, он сам начал, а посему предпочел сменить тему: – Гм... Стало быть, граф, вы воспроизвели эти детали на бумаге просто по памяти?..

– Это все, что мне оставили. – Узник мельком взглянул на альбомный лист. – Увы. Память, да свежие данные о том, сколь благотворно влияет на мой пищеварительный тракт мерзейшая субстанция, именуемая йогуртом, и произведенная, насколько можно судить по внешнему виду, из отварных улиток.

– Ну разумеется, о вкусе вам судить затруднительно, – рассеянно пробурчал альбинос, и тут же спохватился: – Может, поговорим наконец о моем деле?..

Влад сурово насутился.

– Ну вот, родственник, ты так хорошо начал, установил со мной почти дружеские, доверительные отношения, и вот – прямой, бестактный вопрос в лоб.

– Я просто уточняю, граф, – заметил Краулер. – Вам решать – говорить со мной, либо нет.

Совершенно не к месту он понял, что потратил на посещение Морга слишком много времени.

– Огастус, похоже, очень занят, – проворчал Цепеш, – ежели снабжает грамотами новичков.

Этого Лео стерпеть не мог – и, опять же, едва не нарушил Правило № 4. Ему, признаться, уже порядком наскучил сей хтонический родственничек, рафинированный, избалованный кинематографом аристократ, изолированный в своей спартанской камере, и которому, вдобавок, нельзя даже с возмущением заглянуть в глаза!.. Альбинос невольно приходил к крамольной мысли, что эта болтливая личность вовсе не была виновником всех тех средневековых бесчинств.

Но, вместо того, чтобы прямо выразить свое негодование – либо, хотя бы, пролепетать оправдание, непридирчиво напоминающее протест, – Лео сублимировал обиду и раздражение в то, что касалось дела самым резким и непосредственным образом:

– Зачем Пустотник убивает? С какой целью?..

Влад вдумчиво на него поглядел, едва не опрокинув и не размазав по стене.

Краулер встретил этот взгляд, мужественно отведя глаза в сторону.

– А почему он высасывает жизненные соки, – в свою очередь, спросил Узник, – как ты думаешь? Что, по-твоему, движет этим необычным существом?..

– Ну... Наверное, он питается, – промямлил альбинос, – черпает силу, как мы в крови...

– Неужели ты считаешь, что все НАСТОЛЬКО просто?! – прогреготал Цепеш. – Ты считал Пустотников страшными сказочками всю свою жизнь, а теперь вдруг понял, что они существуют, лишь потому, что кто-то из них вышел позавтракать?..

– Ну-у... – глубокомысленно протянул Лео, пытаясь выиграть время и уяснить суть вопроса.

Однако, ответить ему не позволили, и это был один из самых жутких монологов, какой он когда-либо слышал.

– А знаешь, что я думаю, – премерзко усмехаясь, спросил Влад, – когда лицезрею твою прямую великосветскую осанку и поддельные туфельки от Valentino?.. Ты похож на дешёвку, на совесть отмытую, и все-таки дешёвку с дурным вкусом. Всего два-три поколения отделяет тебя от обращенных, – Узник выплюнул это слово, словно оно обожгло ему язык, – от плебса, хотя ты изо всех сил стараешься выглядеть как самый настоящий аристократ. И тем не менее, твой папаша промышлял ФИЗИЧЕСКИМ трудом. Помнишь, как девочки-вампириши, твои ровесницы, щупали тебя в темных подворотнях своими липкими ручонками, но ты сумел подняться из этой пропасти на самую вершину, и вот: ты ведешь поиск важнейшей реликвии от имени целого Клана!..

Граф умолк, торжествуя.

У Краулера пересохло во рту; он побледнел, покраснел. Ему стало не по себе еще до оскорбления «дешёвкой», от «плебса» перехватило дыхание, а при упоминании девочек-вампирш, с их липкими ручонками, совсем уж поплохело.

Но он соединил сокрушенные силы, как осколки фарфоровой вазы, и ответил:

– Что же, вы наделены необычайной проницательностью, дражайший граф, так отчего бы вам не взглянуть со стороны на самого себя? Кто из нас двоих сидит за решеткой?.. – Альбинос запоздало сообразил, что следовало сказать «за стеклом», но не счел нужным исправляться. – У меня нет никакого желания объяснять вам, в чем вы не правы в моем отношении. Что бы я уже ни сказал, это ничуть не изменит, с позволения, ваших сквернейших манер.

На сей раз «уполномоченный» не готовился к поспешному бегству, и сам себе удивился.

Вместе с тем, и встретить взгляд Пронзателя не рискнул.

– Как-то раз меня пытались проанализировать, – будто между прочим, заметил Влад. – Один высокоученый Вурдалак. Я счел его кровь чудесной, хотя и терпкой от многовековой выдержки. Ты же, прости за каламбур, как раз в моем вкусе.

Лео разочарованно покачал головой и развернулся к выходу.

– Улетайте в свое гнездышко, полномочный Краулер, – с улыбкой посоветовал Цепеш, – летите!..

Альбинос направился к двери. Когда стекло и стоящий за ним Узник почти исчезли из виду, динамик переговорного устройства взвыл и захрипел от натуги:

– Краулер! Краулер!..

Леонард подскочил от испуга, но, тщательно скрыв удовлетворенную улыбку, вернулся.

– Вы что-то забыли, граф? Еще какие-то подробности из моего детства или отрочества?..

– Я бы никогда не допустил, чтобы Череп был похищен, – со страстью в голосе сказал Влад, пропустив колкость мимо ушей. – Я тебе помогу, и ты достигнешь желаемого. Более того – ты так и останешься на этой вершине, где, как думаешь, тебе самое место... Из-за этого ты и не способен постичь суть вещей.

Вопреки желанию, альбинос ощутил смутное беспокойство, тяжелое, как несварение желудка.

– Суть вещей? О чем вы?.. – насторожился он.

– Погоди, племяш, – осадил его Цепеш. – При чем, здесь, собственно, Пустотник?..

Краулер открыл рот. Протянул: «Гм-м...», – уже мысленно. Он забыл, что так и не соизволил пояснить, при чем, действительно, здесь штопанный Пустотник.

Эту оплошность следовало исправить. Вот только – «Стоило ли?». Поразмыслив, он решил, что стоило. Ведь в противном случае его нынешний визит терял всякий смысл. Собравшись с духом, Леонард выложил Узнику все, что, по его мнению, как-либо относилось к делу. Тот выслушал самым внимательным образом.

– Мило, мило, – сказал Влад, когда альбинос исчерпал скудные факты. – Сомневаюсь, впрочем, что у такого редкостного существа, как Пустотник, вдруг, ни с того, ни с сего, возникла стремительная нужда в этом Черепе, и – как следствие, – в маловероятном Могуществе. Весьма, весьма неожиданно.

Краулер терпеливо выждал, но, казалось, это было все, что граф имел сообщить по данному поводу.

– И... это все, – спросил «уполномоченный», – что вы имеете сообщить по данному поводу?..

– Ну да, – Цепеш пожал плечами, будто бы это само собой разумелось. – Я же лишен возможности, в отличие от некоторых неблагодарных родственников, празднично шататься по городу, и изображать бурную деятельность. Другое дело, если бы я оказался снаружи, но, увы... – Узник поднял руку и стукнул костяшками пальцев по стеклу, отчего Лео едва не отскочил назад с прытью пугливого енота.

– А что же насчет того, на что вы намекали? Что именно, по-вашему, ДВИЖЕТ Пустотником?..

– А разве это не очевидно? – Влад обидно хмыкнул. – Им, конечно же, движет ВОЛЯ ХОЗЯИНА.

Альбинос замешкался.

Корректные ответы обыкновенно требуют времени, тогда как грубые, напротив, рождаются в спешке.

– Вы подтвердили мои собственные догадки, граф. Что ж, не смею вас более тревожить, пора бы честь знать, позвольте откланяться, и все в таком же благоприятственном духе...

Цепеш проглотил «благоприятственным», не моргнув и глазом. Это у других обитателей нашей эпохи – уж ВЫ-ТО знаете! – стоит им случиться очевидцами какого-то милого анахронизма, делается такое лицо, будто бы они против собственной воли съели что-то несвежее. Ну, Влад был сделан из другого теста.

Анахронизмов для него не существовало. Вернее, его лексикон почти целиком из таких состоял.

– Погодите, юноша!.. – едва ли не взмолился граф. – У меня есть ЕЩЕ кое-что!

– Как?! – с деланным изумлением вскрикнул Краулер. – Неужто?.. Вы, вроде бы, лишены возможности празднично шататься по городу, или вам дают отгулы?..

Узник хладнокровно обжег его взглядом, как сигарету потушил. Лео, поняв намек, спешно заткнулся. Он и так уже переступил черту. Разве мог он вообразить, что будет столь фамильярно беседовать не с кем-нибудь, а с самим Пронзателем?..

Определенно, лишь в кошмарном сне.

– Я знаю, где скрываются Пустотники, – как бы между прочим, заявил Цепеш.

– Что?.. – не расслышал альбинос.

Влад выждал, а потом, само собой, прикрикнул:

– Ты глухой?!.

– Да нет. – Краулер пожал плечами. – Мне послышалось: «Я знаю, где продаются кроссовочки».

– Болван!.. – окрысился граф. – У тебя голова забита одним шмотьем и обувкой! Мне-то ее забивают насильно, а ты себя уродуешь по собственной воле!.. Я сказал, – переводя дыхание и понизив голос, продолжил Цепеш, – что Я ЗНАЮ, где живут Пустотники.

На сей раз Леонард все расслышал отменно, но предпочел бы, чтобы это опять были «кроссовочки».

– О, – сказал он.

Затем:

– Ага.

Подобное не каждый день слышишь, и формальными шаблонами тут не отделаться.

Словно улитка, ползущая по стеблю, альбинос усваивал услышанное. «Я знаю, где живут Пустотники». Эти пять слов, включая местоимение (несложные, казалось бы, и почти безобидные; взятые же по отдельности, они превратились в вербальный «коктейль Молотова»), неохотно угнездились в его сознании где-то между греческими мифами и сплетнями о Лохнесском чудовище.

Наконец Краулер булькнул:

– А, ну да, разумеется. И как позвольте уточнить, вы разжились этими данными?..

– Довольно просто, – ответил Влад, то ли не расслышав скептицизма в голосе собеседника, то ли проигнорировав оный. – Имел как-то раз с ними дело. Давно это было, очень давно. Задолго то того, как меня, уже сидящего здесь, приглашали в «Клуб адского пламени». – Узник замолчал, глядя в каменный пол, и, очевидно, прозревая одному ему ведомые дали. Леонард даже не пытался проследить за этими далями – в противном случае Цепеш показал бы ему такие горизонты/измерения, о которых альбинос не знал, и знать не желал.

Некоторый соблазн, однако, скользнуть по лезвию жуткого взгляда, к заманчивым безднам, все же присутствовал. Но, на его счастье, у Краулера оказалась не настолько крупнокалиберная кишка, чтобы играть в чреватые гипнотические игры.

Равно как и торопить меланхоличного графа.

– В общем, – вынырнув на поверхность, подытожил Влад, – я знаю, где они прячутся. И, поскольку ты также интересуешься этим забытым племенем, мне ничего не стоит поделиться сведениями. Мы же родственники. – Узник, вероятно, подмигнул, хотя утверждать Лео бы не взялся. – Но только с тобой, юноша, учти. Паразиты-Вурдалаки, из которых первая пиявка – наш августейший Кридус, не должны ничего знать. Понимаешь, НИЧЕГО. Если ты не согласишься, или они могут как-то вывести этот секрет – обманом ли, силой, либо Клементина тебя обольстит, очарует, ха ха, – скажи прямо сейчас.

Альбинос с тупым видом таращился.

Он был растерян, пребывал в замешательстве, и не только. Явственно чувствовать, как твои мысли и чувства смысляет в некий белый ментальный унитаз – это, знаете ли, не только «пребывать в замешательстве». И, прежде всего, Краулер не имел ни малейшего представления, хотел ли, нужно ли, стоило ли (?..) ему знать о убежище Пустотников, – где бы, в какой унылой дыре оно ни дислоцировалось.

Поразмыслив же над условием Цепеша, Лео пришел к выводу, что не имел ничего против. Вурдалаки не посмеют давить на «уполномоченного» Гирудо, не говоря уже о том, чтобы применить к нему пытки. Шансы того, что Клементина пустит в ход свой арсенал соблазнения, безусловно, были изрядны, но альбиносу стало дурно при одной мысли о том, что герцогиня его «обольстит, очарует».

Ха ха.

Приступ отвращения помог Краулеру решиться. Как бы там ни было, сведения, полученные от бывшего рыцаря Дракона, каковые он оберегал в карцере своего гнилого замшелого

черепу энную прорву столетий, стоили того, чтобы ими разжиться. Они могли пригодиться если и не самому Лео, то, по крайней мере, Клану Гирудо («уполномоченному» приходилось то и дело напоминать себе, что он – часть одной большой дружной семьи). Это, как минимум, просто сенсация. Пустотники живы, более того, вот точный адрес!.. И кто же, с риском вскрыть себе клыками вены, добыл для нас эти сведения?..

Альбинос незаметно для себя приосанился.

И сразу же сник. Скорее всего, история Узника окажется совершенно бесполезной – вялой, неконкурентноспособной в эру Интернета и сотовой связи, неприменимой на деле. Памятные графу ориентиры изменились до неузнаваемости, либо исчезли вовсе. Там, где Влад скакал когда-то по бескрайней степи, ныне тянулось скоростное шоссе, или громоздился гипермаркет «Лучшее дерьмо по доступным ценам». («Акция: купившему тонну, вторая – бесплатно!»).

В этом случае, впрочем, Краулер вовсе ничем не рисковал.

– Что ж, я согласен на ваше условие, – сказал он. – Поведайте мне свой секрет, граф.

– А ты уверен, – строго спросил Цепеш, – что никогда не откроешь его Вурдалакам или кому-то еще?..

– Никогда – сильное слово. Однако, уверен. – Лео убежденно кивнул. Он не врал, и возгордился собой. Вурдалаки были укомплектованы по последнему слову техники, а Узник, в свой черед, не только не слышал этого слова, но и не подозревал, что оно было произнесено. Посему альбинос не сомневался, что ему просто НЕ ПРИДЕТСЯ ничего говорить. В его показаниях не возникнет нужды.

Тем сильнее было удивление «уполномоченного», когда, вместо того, чтобы выложить всю подноготную театральным, но разборчивым шепотом, Влад выдернул из своего альбома листок, посплюснул огрызок карандаша, начертил над бумагой некие пассы, и, наконец, эффектно припечатал свои художества к стеклу.

Краулер замер. Сглотнул. Кровь в его артериях и венах на мгновение кристаллизовалась в лед. Ориентиры остались неизменными. Лео сразу же их опознал.

Не говоря ни слова, Цепеш скомкал листок и трехточковым забросил в унитаз.

– Все понял?..

Альбинос очумело кивнул.

– Учти, юноша, – голосом, сдирающим плоть с костей, сказал Узник, – невзирая на наше родство, ты крепко пожалеешь, что кому-то проговорился, или причинил незаслуженное зло этим существам, Пустотникам. Я открыл тебе тайну лишь потому, что кража Черепа – это крайне серьезно, а у тебя, похоже, имеются недвусмысленные подтверждения того, что к этому все же причастен кто-то из ящеров. КТО-ТО, заметь, еще НЕ ВСЕ. Почему, по-твоему, о них не было слышно на протяжении многих тысячелетий?.. – спросил Влад, и сам себе ответил: – Потому, что, в отличие от Кридуса, им не нужна новая война. Если ты навлечешь беду на это племя, будь уверен, я из-под земли тебя достану. Как видишь, – Цепеш обвел руками стены, – в буквальном смысле. Еще не знаю, каким образом, но достану. Ты наверняка знаешь, как Я убиваю.

Последнее было сказано обычным будничным тоном, но у Краулера мороз пробежал по коже.

О да, он знал.

Мистер Брэм Стокер, эсквайр, при всей своей фантазии такого ужаса и представить не мог.²

² На это был способен лишь мистер Лавкрафт, и, в некоторой степени, создатели сериала «Баффи – истребительница вампиров».

Больше прочего «уполномоченного» сокрушало то, что он узнал о угрозах ПОСЛЕ ТОГО, как изувер нарисовал свою карту, и непосредственно перешел к моральному террору. В ином случае альбинос бы без сомнений и наотрез отказался.

– Гм... Я понял, – сипло ответил Лео, подкрепив слова кивком. – И не подведу вас, граф. – Затем, под действием некоего сиюминутного импульсивного порыва, с бескорыстной улыбкой сообщил: – Буду рад увидеть вас в своем поместье, если вам... каким-то образом удастся прервать свое заточение.

Влад церемонно поклонился.

– Благодарю, юноша. Кажется, меня целую вечность не приглашали в гости. Ради такого стоит рискнуть, – сказал Узник, и альбинос в очередной раз похолодел.

Ему нестерпимо захотелось инициировать процедуру прощания.

– Что ж, тогда, пожалуй, я... – начал было он, как вдруг вспомнил нечто важное. – Скажите, а что вы подразумевали, когда упрекнули, что я не вижу сути?..

– Ты ослеплен своей гордыней, – в простой и незамысловатой манере дзэн-буддиста сказал Цепеш (собственно, в этой убогой темнице ему оставался лишь Дзэн). – Даже я ЭТО вижу.

– Что «это», граф?..

Влад покачал головой.

– Какой выйдет прок в том, что я скажу?.. Ты должен сам все понять и увидеть.

– Какая-то восточная философия, да?.. – съехидничал Краулер. – Мне совсем недосуг проходить сейчас ускоренный курс познания собственной души... Впрочем, неважно. Не желаете говорить, так тому и быть. Спасибо за беседу, граф.

Он вновь развернулся ко входу.

И вновь его окликнул властный голос:

– Краулер.

– Да-да? – Лео обернулся, по-прежнему стараясь не наткнуться на обращенный к нему взгляд, словно тот был оголенным проводом под напряжением.

– Тот, кого ты ищешь – вампир. Рожденный таковым. Истинный, если тебе больше нравится.

– Откуда вам об этом известно? – уточнил альбинос, в некоторой мере опасаясь ответа.

– Просто известно, и все. Долго объяснять, да и нет в том надобности, – отмахнулся Цепеш. – Когда-нибудь, как-нибудь, от кого-нибудь я все узнаю, и это знание прочно угнездится в моем сознании и памяти. Я просто немного опередил события, ведь это МОЕ сознание, и узнал кое о чем уже сейчас.

Краулер нашел эту историю не самой правдоподобной, но Узник, по его утверждению, и не собирался утруждаться (что, в общем-то, было в его диссидентском стиле).

– Я учту это, граф. Еще раз «большое спасибо». Я попрошу герцога хотя бы на месяц избавить вас от этой пытки, – Леонард указал на глянцевого лоскута.

– Если не выйдет, то, хотя бы, от рекламы прокладок, – изъявил желание Влад.

– Конечно.

Альбинос двинулся к выходу, но на самом пороге притомозил.

– Да, граф, это НЕ ПОДДЕЛЬНЫЕ туфли!.. – крикнул он, и юркнул за дверь.

Дракула улыбнулся.

Краулер отошел от проема, прислонился к стене, и принялся шумно дышать.

– С тобой все в порядке, дорогой?.. – тут же подоспела встревоженная Клементина.

– Да-да, благодарю, госпожа... – Леонард дышал через рот, а герцогиня сияла от удовольствия.

– Дорогу, дорогу, – вполголоса требовал ее брат-близнец, расталкивая любопытствующих, и, в частности, Подагруса. – Итак, юноша, как прошло randevu?..

Альбинос вздрогнул и покачал головой.

– Не зовите меня так. Не сегодня, хорошо?..

– Как угодно, – быстро кивнул Кридус. – И тем не менее, как все прошло?..

Краулер покосился на него. «Самое благоразумное в данный момент, – решил он, – это сделать вид, будто я не знаю, что ОНИ знают. Вот только, мне кажется, глистообразный умник это предвидел, и знает, что Я знаю. И теперь, со своей сестрицей-обольстительницей, тьфу, будут выделяться, будто не знают, что я знаю, что они знают... А, к такой-то матери». Лео ответил:

– Хорошо. – И, подумав, добавил: – Да, неплохо. Могло быть и хуже... Ваши жуткие Правила /в особенности, Четвертое/, намекали на это до того непрозрачно, что листовая сталь свернулась в рулончик бы от зависти. И я не сгущаю краски.

– Правила – для вашей же безопасности, – сдвинув брови, проговорил Айронгрейвс.

– Ну еще бы, – фыркнул альбинос. – Что может быть более безопаснее, чем прямое наставление покончить с жизнью?.. Способ, вероятно, остается на мое усмотрение.

Он ощущал в себе удивительную смелость, без малого – отвагу. Что, в конце концов, могло его напугать после жуткого взора Влада Цепеша, алчно рыщущего по его лицу, словно дикий зверь?.. Это было приятно, но и, в какой-то мере, пугающе.

– Ты сам вызвался, – напомнил Кридус. – Никто тебя в спину не гнал. Итак, что сказал Узник?..

Краулер покосился на него еще более косо. «Знает ведь, ублюдок, что я знаю, что он знает».

– Толком ничего, – сказал, однако, Леонард. – Как он сам заметил, ему не позволяют оставлять свою камеру. Так каким образом, спрашивается, он был бы в курсе событий?..

Герцог воззрился на него сверху вниз. На сей раз альбинос мог смело глядеть в глаза собеседнику. По крайней мере, столько, сколько позволила дерзость.

– Полагаю, эта ирония вызвана пережитым, – сказал наконец Кридус, выдержав чуть более долгую паузу, чем рекомендовал этикет. – Никто – ни ты, ни кто-либо другой – не может, пребывая в здравом уме, желать, чтобы Узник беспрепятственно разгуливал по улицам. Однако, несмотря на свое стесненное положение, на которое он так энергично сетует, и которое, вне сомнений, заслужил на века и века вперед, Узник тебе о чем-то рассказал. О чем же?..

Краулер воззрился на него снизу вверх. Определенно, от него требовали нечто конкретное. Августейший Вурдалак находился в курсе как всего разговора, так и каждой фразы в отдельности. И теперь жаждал знать то, что услышать не мог.

– Я же сказал – ничего такого, что заслуживало бы вашего внимания, – честно глядя в глаза, сказал Леонард. – Обычный бред безумного вампира, осужденного пожизненно... Да, и он попросил сделать рекламу менее навязчивой.

– Обычно Узник менее всего склонен к бреду, – возразил Кридус, – но ЭТО я готов признать таковым. Наши реабилитационные программы дали чудные результаты...

Герцог взял собеседника под локоток, и мягко, но неумолимо увлек в сторону. Бездельники, не успевшие убраться с дороги, были самым бесцеремонным образом – зловещими взорами, и еще более зловещими жестами – направлены к своим рабочим местам. За Айронгрейвсом – беззвучно, и с цоканьем – следовали Клементина, и, соответственно, Крысиная королева Голди.

– Послушайте-ка, юно... молодой... Барон, – с трудом начал Магистр, обвиняюще наставлял на альбиноса острый шпиль носа, – мы знаем, что вы знаете, что мы знаем. Поэтому давайте прекратим эту комедию. Я спрошу у вас единственную вещь, и надеюсь, что вы проявите благоразумие. Итак... Где логово Пустотников?..

Вопрос прозвучал значительно тише, нежели все остальное. Краулер, однако, не стал делать вид, что не расслышал.

– Раз уж вы знаете, что я знаю, что вы знаете, – ничуть не смутившись, сказал он, – то...

Близнецы нагнулись, нависли, придвинулись вплотную. Вытянутые физиономии удлинились еще больше, глаза едва не выпрыгивали наружу, носы возбужденно дрожали, отчего мерзкие капельки, повисшие на самых кончиках, грозили сорваться вниз, но все почему-то не падали, что производило отчасти гипнотический эффект. Означенная близость Леонарда не на шутку устрасила, однако, он сразу понял, в чем тут дело. Преимущество на его стороне, ведь на рожах Айронгрейвсов обосновались порочные и характерные маски: лица игроков в рулетку, сделавших последние ставки, и ждущих, когда же чертов шарик остановится.

Альбинос дал ему пробежать еще немного, после чего произнес:

– ...То я, в любом случае, не правомочен говорить.

Магистры разочарованно выпрямились.

– Ты разочаровал меня, Гирудо, – вздохнул Кридус, вновь переходя на «ты». – Да, я был о тебе лучшего мнения. И чем, скажи, обоснован твой отказ?..

Краулер пожал плечами.

– Тем, что я обещал не открывать эту тайну. В особенности – вам, господа. Впрочем, если вы все знаете, и я знаю, что вы знаете, то нет нужды в том повторяться.

– Вздор!.. – пискнул Вурдалак, и Голди вторила ему с пола. – Кому ты обещал?! Старому безумцу, сидящему в клетке? Да обещай ему что угодно – хоть луну с неба, – у него не осталось ни гордости, ни чести!.. Знаешь ли ты, сколько раз он сам обещал кому-то жизнь, а потом с диким хохотом сажал их на кол?..

Магистр не кричал, как ни пытался, а, скорее, пищал, и физиономия его раскраснелась от натуги.

– Мне не известны точные цифры, – с достоинством ответил Леонард. – Кроме того, я не могу согласиться с пассажем насчет гордости и чести. В ином случае, мне пришлось бы признать, что честь аристократа – субстанция в высшей степени текучая и тленная, подобно спирту или ртути, а я к такому шагу совсем не готов. Мое слово, как учил меня отец, стоит дороже любых богатств.

Кридус яростно распахнул было рот – не исключено, для того, чтобы раз и навсегда растолковать зазнайке, каким пустобрехом был его папаша, – но сумел с собой совладать, и какое-то мгновение о чем-то сосредоточенно раздумывал.

Клементина же, врубив обольщение на полную катушку, украдкой альбиносу строила глазки.

Не иначе, гордилась.

– Ну ладно, – буркнул наконец герцог. – Ты ведешь себя как упрямый избалованный ребенок, барон. Ну разве не очевидно? Узник, этот бывший деспот, посаженный на цепь, просто бесится от бессилия!.. Он использует тебя, чтобы досадить нам – не нам с сестрой, – Вурдалак быстро кивнул на Клементину, и та едва успела придать лицу серьезное выражение, – а всем НАМ. О, старый хитрец долго этого ждал! Секрет, который он тебе открыл – если, конечно, сведения подтвердятся, – чрезвычайно важен для Кланов, для всей расы вампиров!.. Под вопросом, и я ничуть не преувеличиваю, ее выживание! Где-то поблизости, у нас под самыми носами, копит силы армия наших заклятых, генетических врагов, опаснее которых нет ничего на свете, за исключением лишь еды из фаст-фудов... – Кридус, судя по всему, не подозревал, что конкретно под его носом мог скрытно дислоцироваться целый батальон. – Стоит нам промедлить, и враг нанесет удар, от которого раса вампиров может уже никогда не оправиться. Поэтому, – выдержав эффектную паузу, двинулся дальше Магистр, – в сторону отходят как моральные принципы, так и чьи-либо личные приоритеты. Ты просто не имеешь права утаивать информацию, барон!.. На карту поставлена наша общая доля!..

Айронгрейвс выжидающе заткнулся.

Объекту же его внимания, то есть поверенному в делах Клана Гирудо Краулеру, было крайне непросто удерживаться от зевоты, – на протяжении всего монолога.

Несмотря на то, что некоторые личности с полным правом называли его «юношей» и «племяшом», Лео прожил достаточно долгую жизнь, чтобы относиться к речам о «туманном будущем нации», «политическом долге» и «расовом благе» с иронией и известной долей здорового скептицизма. Он-то видел Берлин 38-го.

– Весьма сожалею. Ничем не могу вам помочь. То, о чем вы говорили, безусловно, впечатляюще и правильно, но у меня сейчас совсем другая задача, от которой, позвольте заметить, также зависит будущее нашей расы – поиск Черепа. – Альбинос посмотрел Кридусу прямо в глаза и улыбнулся. – Выявление «генетических врагов» и последующий геноцид в мои планы никоим образом не входят.

Герцог смотрел на него, не мигая, точно раздумывая, способен ли он откусить эту буйную голову.

– Исключительная щепетильность для такого юного возраста, – нехотя признал Магистр. – Но вот послушай, что мне пришло в голову. Возможно, на тебя, так сказать, произвели некоторое впечатление те необоснованные, категорически ничем не подкрепленные заявления, сделанные Узником. – Тон Вурдалака льстиво говорил «О нет, я и близко не допускаю той мысли, что тебя бы, предположим, устрашили, и, тем более, испугали эти угрозы», тогда как глаза злорадно блестели – «Конечно, маленький гаденыш, ты был напуган до чертиков, до тошноты и колик в спинном мозге, едва штаны не намочил /а может, намочил, они у тебя КОЖАНЫЕ/, ведь Узник не бросает слов на ветер, и тебе это прекрасно известно!...» Но Кридус продолжил: – Гарантирую, что, по крайней мере, со стороны графа тебе ничто не грозит. Ответственно заявляю от имени всей мощи нашего Клана – Узник никогда не осуществит своих угроз. Он и почесаться не может без дозволения, куда уж охотиться за официальными следователями! Мы держим этого зверя на крепкой цепи (или я повторяюсь?..), поэтому отринь сомнения и расскажи нам, что увидел на листе.

Краулер покачал головой, отчего на белом фарфоре физиономии Айронгрейвса проклюнулось отчаяние.

– Нет, нет, нет, – качал головой отважный Леонард. – Вас там не было. Вы не стояли перед стеклом, которого будто бы и в помине нет, не думали о том, как уберечь рассудок, и, заодно, жизнь от одного из ваших хваленых правил, не слушали его вкрадчивый голос, и эти невыносимо ужасные угрозы, от которых кровь стыла в жилах... – Альбинос затравленно уставился в пол, как человек, колоссальным усилием воли пытающийся о чем-то позабыть.

Герцог открыл рот, дабы отчитать юного Краулера за бесхребетность, но, благодаря словам Клементины, из его древней глотки не вырвалось ни слова, а означенная полость приобрела сходство с давным-давно остывшей печью.

– Ты забыл о приличиях, братец, – молвила герцогиня, цепко ухватив Кридуса за руку. – Леонард – наш гость, и он недвусмысленно дал понять, что уже принял решение. Попытки его разубедить – тем более, так упорно и настойчиво, как делаешь ты – совершенно неприемлемы, и порочат наш дом.

Магистр порывался было вновь ринуться на штурм, однако, Клементина усилила хватку. Вурдалак скривился от боли, и был вынужден отступить.

– Ладно, – буркнул он, не пытаясь скрыть досаду. – Только, ЮНОША, заруби на своем куцем носу: ты совершаешь большую-пребольшую, просто немыслимого масштаба ошибку, которая в скором будущем расплющит тебя, как жалкую букашку. Надеюсь, НЕ непоправимую. Впрочем, ЮНОША, – с упором, рекомендательно повторил герцог, настаивая на этом звании, – ты оказался более крепким орешком, чем я подумал сперва. И это отрадно, признаю.

Альбинос, сама скромность, пожал плечами. Кто он такой, чтобы перечить целому Магистру?.. Тем более, такому, чей облик в данный момент изрядно напоминал закипающий чайник. Не в последнюю очередь благодаря, разумеется, носу.

Вдруг в глазах Кридуса (поочередно, словно какое-то нерасторопное реле) вспыхнула надежда – как сигарета курильщика, умирающего от рака легких.

– Скажи-ка, не мог бы ты, – дружелюбно, будто бы и не было никакой желчи, спросил Вурдалак, – так сказать, ПЕРЕДАТЬ мне тот самый комикс, о котором шла речь?..

– Вы хотите сказать – украсть его для вас?.. – уточнил Краулер с видом честнейшего из полицейских.

– Ну зачем же сразу «украсть», – невнятно смутился герцог, обозначив кавычки указательными и средними пальцами. Это были на редкость внушительные длинные и белые кавычки, нужно признать. – Просто передать книжицу мне, хотя разница, я понимаю, чрезвычайно тонка, почти иллюзорна, и все же наличествует. Более того, имеет место. Если постараться, ее можно почувствовать, не заикливаясь на устаревших формальностях. Институт собственности претерпевает в наши дни коренных перемен, знаешь ли...

– К своей-то собственности, брат, ты ревнив с прежней страстью, – не выдержала Клементина.

– К НАШЕЙ собственности, сестра, – поморщился Кридус. – Да, признаю, двойные стандарты по-прежнему владеют алчными умами. Что же с того?.. Фундаментальный вопрос состоит в том, что вампир может, а чего – НЕ может. К примеру, барон мог бы передать комикс в другие руки, когда эта ситуация разрешится. В мои, если выражаться конкретно, – для надежности уточнил Магистр. – Ригер, этот бурдюк с жиром, упорно, и, похоже, из вредности игнорирует мои продолжительные попытки купить раритет, что довольно невежливо с его стороны. Ты мог бы сказать толстяку, что забыл журнал в логове врага, или просто где-то потерял. Уверен, природное чутье, которым славились твои предки, придет на выручку в любой ситуации. – Герцог воззрился на Леонарда более чем красноречиво, как, бывает, смотрят на честнейших полицейских, прекрасно понимающих, о чем идет речь. – Разумеется, ты поступишь принципами отнюдь не безвозмездно, и твои услуги будут щедро вознаграждены. – Слово «щедро», как и водится в ситуациях подобного рода, было едва ли не обведено рамкой червленого золота. – Причем я имею в виду не одни лишь банальные денежные знаки, имеющие хождение в качестве эквивалента товарообмена. Впридачу к ним ты удостоишься и кое-чего еще, чего не купить ни за деньги, ни за векселя на предъявителя, ни даже за акции «NASDAQ» – дружбу могущественного Клана Вурдалаков.

Кридус торжественно умолк.

Альбинос старательно изображал смущение.

– А разве, братец, – встряла Клементина, – Леонард не является другом нашего могущественного Клана УЖЕ?..

Магистр не в лучшую сторону изменился в лице, и пробормотал под нос что-то вроде «да, само собой», «давно, еще как», и даже, возможно, «кто бы сомневался».

– Твоя неумная тяга к собирательству, – продолжала герцогиня, – уже давно вышла за всякие разумные рамки, а теперь ты поставил нашего гостя в наиглупейшее положение. Это не хобби, а просто помешательство какое-то!..

– Молчи, женщина, – огрызнулся Кридус. – Что ты вообще понимаешь в коллекционном бизнесе?! Вполне здоровая мания. Не хуже, чем у других. Собирать значки, пивные этикетки, или черепа мелких грызунов – это, по-твоему, лучше?.. Ладно, – сказал Вурдалак, отвернувшись от закатывающей глаза сестры. – Твой ответ, барон?..

Краулер наспех раскинул мозгами. Он собрался было дать отважный и категоричный ответ, что Ригер, мол, строго-настрого приказал принести комикс, но акцентированное

«щедро» все-таки сыграло на алчных струнах его черной, как лакированная электрогитара, души. Эдакий нехитрый мотив группы «ABBA».

– Я подумаю, что можно сделать, – важно произнес альбинос, чувствуя себя уже копом, коррумпированным до мозга костей, что закономерно было гораздо приятней.

– Буду тебе очень, очень признателен, – просиял Магистр, и энергично потряс его руку.

– Что, на миллион долларов?.. – подмигнул Леонард. – Шучу, шучу, – добавил он, когда Кридус замер большим жадным изваянием. – Не берите в голову. Что ж, не смею злоупотреблять вашим гостеприимством... Или я это уже говорил?.. Как бы там ни было, пора откланяться. Где мой незаменимый помощник?..

Герцог подал знак Подагруссу, бесцельно ошивающемуся неподалеку. Тот кивнул и профессионально скрылся из виду, но еще до того, как Краулер ощутил гнет молчания, и гнетущее же общество близнецов, появился в сопровождении Рипа Ван Дизеля. Причем оборотень тащил какую-то хромированную хреновину с двумя раструбами, к которой было прикреплено что-то вроде ротора.

– Гляди, что удумали!.. – возбужденно тархтел Рип. – Прямая подача и клапаны, клапаны! А турбо...

– Рип, – строго сказал альбинос. – Уходим. Немедленно верни хреновину владельцам.

Герцоги сделали вид, что хреновина, в общем-то, им без надобности, и, в любом случае, они запросто уступят оную за вожденный комикс, но Лео не изъявил такого желания.

Он требовательно смотрел на напарника. На лице Дизеля появилось выражение ребенка, у которого грозили конфисковать любимую новообетенную игрушку, и, чтобы этого не произошло, байкер стиснул хреновину в объятиях.

Затем, посмотрев на себя со стороны и устыдившись, Рип с неохотой сунул блестящую железку Подагруссу. Тот без должного почтения отложил ее в сторону.

– Господа!.. – бодро начал Краулер, повернувшись к Айронгрейвсам. – От имени Клана Гирудо выражаю вам сердечную благодарность за помощь в нашем сложном деле. Когда все закончится, возможно, всех нас наградят медалями, или чем-нибудь еще. Впрочем, поглядим. А пока – прощайте, и еще раз спасибо!..

«Уполномоченный» поклонился, и, развернувшись, не без некоторой спешки потопал к выходу, пока не пришлось облобызать Клементине ручку.

Ему казалось, что герцогиня махнула вслед черным платочком.

Подагрусс поднялся с напарниками на лифте, и сопровождал до выхода.

Только когда двери закрылись за спиной, Лео смог вздохнуть полной грудью.

И – едва не поперхнулся, потому как в кармане зазвонил телефон.

Альбинос устало ответил.

– Надеюсь, – как голос с того света, осведомился Кридус, – ты не забудешь о нашем уговоре?..

Сглотнув, Краулер промямлил:

– Что вы, как можно...

– Отлично, – сказал герцог Вурдалаков, и отключился.

Лео хотел было выругаться, но вовремя сообразил, что в такой близости Морга это чревато, и прикусил язык. Молча убрал телефон и двинулся к машине.

– Ну, наш непреклонный диктатор, что дальше?.. – спросил вервольф, оседлав мотоцикл.

Альбинос задрал голову. Огни города отражались в низких облаках и создавали неживое желто-зеленое марево. Эдакое урбанистичное северное сияние, пропитанное метаном и угарным газом – обычное дело для любых широт, где людское племя во всю ширь успело развернуть свою паскудную деятельность. Похожая заря могла бы вставать над каким-нибудь Некрополисом, раскинувшимся на берегу Стикса. Здесь же, наверху, это был еще не рассвет.

Пока еще нет.

До возвращения этого душегуба оставалась пара часов, но Краулер не нашел в себе ни физических, ни душевных сил, чтобы мчаться сегодня куда-нибудь еще.

– До рассвета далеко, – объявил он спутнику, – но я не нашел в себе ни физических, ни душевных сил, чтобы нынче же ночью куда-нибудь мчаться еще. Кроме того, мне нужно прилечь, и поразмыслить о том, каковы будут наши следующие шаги.

– Мыслитель херов, – буркнул Риппер, включая зажигание (но Лео все равно услышал). – Спиноза.

– Грубиян, – отмахнулся вампир.

Они отчалили от парковки Морга и нырнули в ночь, каждый на своем транспортном средстве.

Ни один, впрочем, не заметил, что за ними наблюдают.

Увесистый комочек кожи и шерсти, уцепившись когтями за фронтон одного из строений, стоявших напротив штаб-квартиры Вурдалаков, висел вниз головой, что было для него вполне естественно. Он вовсю таращился на собеседников и наставлял уши – подслушивающую аппаратуру, данную ему самой природой.

Звуки моторов заставили зверька недовольно оскалиться.

Затем, когда колымаги повернули на перекрестке, нетопырь раскрыл огромные крылья, сорвался с фронтона, и, не долетев до асфальта какие-то метры, набрал высоту шуршащим кожистым штопором. Миг – и он растаял во мгле.

Альбинос прибыл в поместье и почувствовал неладное, еще не переступив порога.

Входная дверь была не заперта, но Лео не помнил, закрывал ли он ее вообще, а потому не придал этому особого значения. Войдя в дом, он заметил и другие перемены в декоре. Круглый коврик был небрежно смят, а китайская бронзовая лампа, вместо того, чтобы стоять на тумбочке, лежала на полу.

Вздыхнув, Краулер поправил ковер и вернул лампу на тумбу. Он был слишком истощен, чтобы сейчас, на исходе ночи, наставлять ликантропа в столь тривиальных обыкновениях, как уважение к чужому жилищу. Однако, взял на заметку безотлагательно провести с байкером серьезную беседу завтрашним же вечером.

Настроившись на сей беззаботный лад, вампир двинулся дальше, и с непреклонностью удара молнии осознал, что едва не осудил невинного. Если, конечно, Риппер не скрывал в своей физиологии нечто, совершенно чуждое человеческому естеству, – как, впрочем, и волчьему. Даже для оборотня это чересчур.

Альбинос опустил на ходу взгляд, и – абсолютно для себя непреднамеренно, нужно отметить, – распознал в одной из белых кучек, лежащих у стены известковыми распадками, более чем непристойный и безобразный след.

Оный след, прежде всего, поражал масштабами. Относительно следа крупной крысы (не такой крупной, как Голди, и все-таки упитанной твари в расцвете своих поганых крысиных сил), пробежавшей в той же кучке совсем недавно, и относительно ноги самого Леонарда, которую он опасливо поставил рядом.

Данный след мог бы принадлежать особо крупнокалиберной модели аллигатора, водоизмещением не менее тысячи литров. Ходящему, конечно же, на задних лапах.

И когти, и перепонки между уродливых пальцев – все было отчетливо видно. Даже если бы Краулер хотел ввести себя в заблуждение (а у него сиюминутно и страстно возгорелось такое желание), из этого ничего бы не вышло.

В первое мгновение «уполномоченный» почувствовал себя польщенным. Значительным. В эпицентре чьего-то внимания. Актуальным. Весьма уязвимым.

Затем, точно закадычный друг, его предсказуемо обуял неописуемый ужас.

Альбинос рванулся к двери, запоздало вспомнив, что за порогом тьма – глаз выколи.

Удивленный Дизель проводил взглядом смазанный скоростью силуэт напарника, искусно огибающего углы. Мгновение спустя лестница уже шатко гудела.

Открылась и хлопнула дверь.

Леонард привалился к ней спиной, переводя дыхание и обещая себе впредь не покидать своего уютного чердачка без явной нужды, каковой уж никак не являлись поиски Черепа и визиты реликтовых ящеров. А прочим придется как-то обойтись.

– На фиг, на фиг, – бурчал под нос Краулер.

Некоторое время спустя по чердачной лестнице взобрался волк в человеческом облике.

Трижды постучал.

Окажись у той же двери некий свидетель, его ушам предстал бы следующий диалог:

– Эй, белобрысый!..

– Чего тебе? – глухо донеслось из-за двери. – И кто такой, собственно, ты из себя будешь?..

– Это я, Дизель. Открой.

– Еще чего. Почему я знаю, что ты – действительно Дизель?.. Голос недолго подделать.

– Говорю же, это я. Открой. Я видел тот след.

– Я тоже. Ну а чем докажешь, что ты – это Дизель, мой благородный и верный помощник?..

– Еще вопрос, кто чей помощник... Ладно. Ты – сноб, помешанный на собственной внешности.

Небольшая пауза.

– Убедил. Поживи с мое, и поймешь, что внешность – единственное, с чем связаны наиболее чистоплотные помыслы, единственное, что отличает нас от животных, и единственное же, о чем стоит заботиться. Ну, так зачем ты пожаловал?..

– Это, мне кажется, спрашивают уже ПО ТУ сторону двери.

– Нюансы, нюансы. Лучше не забивай свою юную голову моральными компромиссами, мой друг. Все они – труха и ветошь на низменных замыслах.

– Чего это ты разумничался?..

– От страха у меня язык теряет привычную жесткость. Впрочем, ты не соблаговолил ответить.

– Ты что, дурак?.. – И, после паузы: – Мне страшно. Я тоже видел этот гребаный след.

– Понимаю, и сердечно разделяю твои опасения, друг. Ну да ладно, я тебя впускаю.

За дверью послышалась какая-то возня, но тут же стихла.

– А ты уверен, – вкрадчиво спросили с чердачной стороны, – что с тобой рядом нет каких-то подозрительных теней? Помнишь, что рассказывали Вурдалаки?.. Достаточно сомнительного сумрака, выющего вокруг тебя хищным облаком, касающегося липкими щупальцами, и похищающего дыхание...

– Здесь до хрена сомнительного сумрака, и если ты меня не впустишь, я выбью дверь, и...

– Хорошо, хорошо, не горячись. Ну а что насчет теней?..

Пауза.

– Нет здесь никаких теней. Разве что моя, но у нее хвост вроде бы еще не отрос.

– Ты уверен?..

– Предельно.

– Хм-м... А как, говоришь, тебя кличут?..

– Отойди, я вышибаю дверь.

Пресловутая преграда лязгнула и отворилась. Получеловек, полуволок вошел внутрь.

И тут же набросился на Краулера, настроенного, кстати, решительно панически.

– Что, совсем из ума выжил, параноик сраный?! – возопил байкер, но, увидев за спиной Лео «Транквилизатор 2000», почесал затылок. – Ну, чего-то в этом роде я ждал...

Вампир, по-домашнему шеголяющий в «драконьем» халате, отступил в сторону. Вервольф зачаровано подошел к шикарному гробу с красной атласной обивкой. Бесцеремонно и пытливо заглянул под щедро сдвинутую крышку, обнаружив там подушечку, фонарик, «Playboy», cd-плеер, и пачку компакт-дисков едва-едва известных групп, играющих готический металл и рок.

– М-да, солидный гробик, – прокомментировал Рип. – Только, прошу, не предлагай в нем полежать. Вижу, что обивка добротная, но мне от него, прости, не по себе.

– «Designed for relaxation», – сообщил альбинос. – Во всяком случае, на сайте производителя утверждается это. Жаловаться, признаюсь, и в самом деле не на что.

На это ликантроп вполне серьезно спросил:

– А есть варианты с кондиционерами?.. С LCD-телевизором в крышке, FM-тюнером, «Playstation», DVD и системой окружающего звучания «Dolby surround»?..

– Ну... – Краулер убедился, что Дизель не потешается, и продолжил: – Среди официально заявленных моделей будто бы нет, однако, по индивидуальным заказам, уверен, нет ничего невозможного. Вплоть до спутниковой связи.

– А, ну да. – Оборотень бегло осмотрел чердак, ни на чем особенно не задерживаясь. – Я всегда считал, что вампиры почивают в склепах, или, на худой конец, в подвалах.

Лео красноречиво поднял брови.

Напарник усмехнулся.

– Ага, понял. Видать, не один я. Синемаатограф, как его называют твои кореша, годами пудрит нам мозги. Вашего брата в шоу-бизнесе – пруд пруди, зуб даю... – Зевнув, Риппер утратил к единолично им же обсуждаемой теме всякий интерес. – Если ты не забыл, я говорил, что тоже видел след. В том, что у тебя здесь такой бардак, есть свой резон. Это ваше вымершее чучело очень даже резво топталось у двери, причем продвигалось от нее, а не к ней. Поиграем в легашей. – Вервольф хмыкнул. – Я изучил дверь и замок на предмет взлома, не обнаружив в итоге ничего. Вопрос на лимон баксов: как тварь проникла внутрь?..

Альбинос пожал плечами.

– Да легко – просочилась. На то она и Пустотник. Для него ничего не стоит перейти в бестелесную боевую форму и просочиться в любую щелку, дыру или замочную скважину. – Краулер уставился на дверь, гадая, как бы ее ловчее законопатить.

– Ты все-таки жопа, напарник, – изрек вдруг байкер.

– Да ну?.. – меланхолично поинтересовался Лео.

– Еще какая. Почему ты не рассказал мне о том, что среди персонажей – здоровенный ящер, настроенный далеко не по-вегетариански, и способный едва ли не проходить сквозь стены?! Такие сведения мне бы совсем не помешали.

Дизель раздувал ноздри, грозно тарашил глаза, и в целом был этически неудовлетворен.

Альбиноса, впрочем, это не впечатлило. После Узника – решительно нет.

– Не помешали, допустим. Но – помогли бы? Что бы ты предпринял?.. О, угадаю – ровным счетом ничего. Коэффициент полезной, или, на худой конец, осмысленной деятельности – ноль. Потому что предпринять ты ничего и не мог.

Ликантроп открыл рот, помедлил, и зашел по-другому:

– Ты даже ничего не сказал, я уверен, Вольфгару. Вот почему ты задавал парням, сторожащим Лапу, дурацкие вопросы! Что мешало тебе прямо им сказать, чего бояться, и кого ждать?! Это мои братья, и они в опасности – прямо сейчас!..

– Ну а что ОНИ-ТО могли, или могут предпринять, узнай последний оборотень в Стае о ящере-вампире? Охранять Лапу лучше?.. Брось ты. Они бы только суетились, совершая пона-

прасну много лишних движений. Я, к твоему сведению, имел веские причины, чтобы не болтать языком. Приказы и директивы начальства, к примеру, – уполномоченно заметил Лео. – И потом, я анти-уверен в том, что опасность грозит твоим сородичам сейчас, или в скором будущем. Если монстр и... его хозяин не забрали Лапу сразу после Черепа, у них есть резон для того, чтобы ждать. Впрочем, они в себе уверены.

– О, ну конечно, – фыркнул вервольф, но, поразмыслив, пререкаться с изворотливым вампиром не стал. Еще раз оглядел чердак и спросил: – Что-то стащили?..

– Вроде бы нет. – Краулер задумчиво двинулся к стулу, на спинке которого как-то неправильно висел «Агтапи». – Завтра первым же делом проверю комнаты.

Зевнув, он поправил костюм, и понял, что придавало пиджаку такую нелепую форму. Альбинос достал комикс, и, продолжая зевать, пролистал. Что было в этой пестрой книжице такого особенного?.. Ею дорожил Ригер, а Кридус и вовсе был готов совершить массовые жертвоприношения своих же подчиненных, чтобы заполучить раритет... Возможно, на ее страницах, усеянных вульгарными рисунками, и впрямь скрывался ответ?.. Но Лео не знал даже вопроса, и, кроме того, был не столь наивен, чтобы верить такой форме искусства.

– А что, если они сюда снова припрутся?.. – спросил Рип.

– Не припрутся. – Краулер отложил комикс, подошел к гробу и начал укладываться. – Они хотели показать мне... НАМ, что им известно о нас, и что они интересуются нами, как мы интересуемся ими. Однако, в отличие от нас, им известно, где мы обитаем, и, мол, они способны расправиться с нами в любой момент. Но ты не тревожься, напарник. Если бы они хотели расправиться с нами сегодня же, то дождались бы, пока мы вернемся, а не оставляли в известке следы исчезнувших зверей. И – набросились на нас у самых дверей.

От вампира не укрылось, как байкер украдкой огляделся.

– Но сегодня, думаю, нам пока ничего не грозит. Можешь идти спать, напарник.

– Ты не против, если я посижу, читаю?.. – Дизель охватил широким жестом стул и комикс.

– Да на здоровье.

Альбинос улегся и задвинул крышку. Ликантроп изумленно слушал, как щелкают замки.

– Спокойного дня, напарник, – глухо донеслось из гроба.

– И тебе того же, – буркнул Риппер.

Ворочаясь на гладком, словно масло, атласе, Лео терзался событиями уходящей ночи. У него из головы не выходило предостережение Цепеша о том, будто он, юный собеседник, чего-то не видел. Краулер действительно ничего экстраординарного не замечал, и, более того, не понимал, куда вообще следует смотреть. И, собственно, каким образом его гордыня препятствует зрению?.. В большей, или еще большей степени она присуща любому, кто, как ему казалось, прикоснулся к таинству вечной жизни.³ Загадки, загадки...

Так ничего и не решив, альбинос отложил эту проблему в дальний и забытый ящик, ограничившись тем, что граф нарочно морочил ему голову. У старых злодеев-аристократов, сидящих в темнице, имелась особенность: они напускали на себя устало-таинственный вид, и изъяснялись путано и туманно даже тогда, когда у них спрашивали, который нынче час. Тем паче, когда вопрошал молодой и растерянный следователь, ведущий поиски украденного артефакта.

Что касалось тех, кто завладел означенным артефактом – Пустотника и его хозяина... Насчет последнего, как ни странно, Узник был предельно конкретен. Мол, за всем стоит вампир, причем Истинный. Кто же, в таком случае?.. Огастус? Казиус? Доктринус? Ригер? Кридус? Подагрус?.. Он сам, Леонард Краулер?..

³ На самом деле он прикоснулся к таинству вечного несварения, бледности и проблемного сна, но новичков это не страшило.

Цепеш изрядно облегчил бы «уполномоченному» существование, сообщив имя, и, желательно, точный адрес искомого лица. Но, увы, пенсионер был скрягой.

Балансируя на зыбкой грани реальности, вампир зачем-то вспомнил о том, как Подагрус бормотал под нос о разносолах, когда провожал гостей к выходу.

«Огурчики, грибочки, томаты, чесночок...»

Под сей гастрономический бубнеж альбинос и соскользнул в черные перины забвения.

В такие мгновения Гримо по праву чувствовал себя капитаном судна, тонущего в бурлящих абсентовых водах. Как и всякое утро до этого, он покидал клуб последним. В его обязанности, как главы службы безопасности – и, собственно, ее единственного сотрудника, – входила проверка дверей и окон, с предварительным выдворением obsługi и последних клиентов, а также активизация сигнализации. Прodelав указанные процедуры, Гримо вышел из клуба.

Ночной воздух приятно охлаждал лицо. За время непродолжительного пребывания в недрах «Абсента» морлок успел решить, что табачный дым въелся через нос в самый его мозг. Именно поэтому привратник не любил бывать внутри.

Над улицами еще не распустилось красное марево, но Гримо уловил рассвет в воздухе. Этот запах был ни на что не похож. Сладковатый, слегка терпкий, как дорогие духи, которыми, бывало, за версту несло от клиентуры «Абсента».

Этот запах говорил о том, что пора возвращаться домой. Гримо давно перебрался из подземной Клоаки в верхний мир, город людей. Арендовал небольшую квартирку, оплачивал счета, ходил в ближайший супермаркет. Органично влился в Систему. У него даже были приятели среди обычных людей.

Но сотни предков, впечатанные в его ДНК, требовали возвращаться в убежище, едва забрезжит рассвет. Невзирая на мнимую цивилизованность, Гримо был тем же ночным зверем, живущим инстинктами, а не разумом, и алчущим человечины.

Тысячи лет, ночь за ночью морлоки выходили на поверхность, чтобы утащить с собой мертвецов, а то и живых, не способных дать отпор. Гримо был звеном в цепи поколений, и мясо, которое продавали в супермаркете, не казалось ему достаточно сладким. Однако, ради того, чтобы жить среди людей, наслаждаться благами и удовольствиями Системы, морлок был готов терпеть.

Тем не менее, он не заблуждался насчет того, что такое Система. Она была повсюду, контролировала всех и каждого. Это была огромная тюрьма с невидимыми решетками, именуемыми «безопасность», «правопорядок» и «закон». В оных клетях находились узники, члены современного развитого общества. Тысячи – добровольно, миллионы – не подозревая о том, что они в тюрьме, и лишь единицы знали о Системе, избегали ее или противодействовали.

Гримо видел, что с людьми делала Система: превращала в бездумных кретин, уродующихся ради зарплаты в офисах, поклоняющихся лицам с телеэкранов, и потребляющих, потребляющих... Тампоны, водка, туалетная бумага, автомобили, сборная мебель, собачий корм, удобрения, моющие средства, еда, унитазы. Это, и многое другое, было крайне необходимо любому члену общества, чтобы считаться нормальным. Чтобы убедить в этом общество, Система создала действенные, но лживые стимулы: карьера, мода, волеизъявление, Новый год, правосудие, частная жизнь и футбольные турниры.

Именно для узников день за днем демонстрировалась дорогостоящая постановка под названием «мировые новости», каждые же четыре-пять лет организовывалось шоу «выборы», где участвовал электорат, а не мыслящие индивидуумы. На самом деле демократия была лишь тюремным режимом, убеждающим, что любой заключенный будет услышан, стоит лишь подать голос.

Собственно, так оно и было.

Люди рожали детей, и добровольно отдавали их Системе. Та вбивала им в голову систематизированную ложь о том, как правильно устроен мир, и отправляла в офисы, где они уродовались ради зарплаты, возвращались в свои дома, где ждали телеэкраны, и потребляли там-поны, водку и собачий корм.

Круг замыкался.

Гримо родился и рос свободным – в подземном городе, управляемом патриархальной анархией, – благодаря чему был способен смотреть на все это со стороны. Клоаке, впрочем, в сфере увеселений было далеко до верхнего мира, с его несметными пороками, и Гримо сделал свой выбор. Он не уродовался в офисе, но удовольствием потреблял, и сторонился Системы – там, где это представлялось возможным. Гуль понимал, что давно угодил в поле зрения Системы. Она непогрешимо знала о его присутствии каждый новый день.

С тем большим презрением Гримо относился к клиентам «Абсента» – этим выскочкам, самодельным вампирам, чьи нежные рожицы напоминали подушечки для игл. Означенная публика, во главе с красоткой Валери, хрустела кожей, звенела цацками и всячески мельтешила перед гримовым носом каждую ночь. Они знать не знали о Системе, однако, наслаждались ее дурмаными дарами с безудержным упоением... Ну а если бы вдруг и узнали, то наверняка не придали бы новости совершенно никакого значения.

Гримо сошел с крыльца «Абсента», думая о кичливых превращенных; о Макдональдсоне, выдавшем пару традиционно-кретинских поручений и покинувшем клуб, вытирая пудру со вспотевших щек; о фигурке Валери, и ее бывшем ухажере, этом воображале-Краулере, объявившемся сегодня, ни с того, ни с сего, да еще и с новой – амбалом под два метра – подружкой. А еще они сперли мечи.

Неспешно созерцая это мутное варево мыслей, морлок миновал клуб и двинулся к стоянке, расположенной кварталом ниже, где парковал свой мотороллер (на другие транспортные средства, за исключением скейтборда и велосипеда, требовались права, что означало лишний раз засветиться перед Системой).

Не успел Гримо выйти на крейсерскую скорость, как ощутил – что-то не так. Между лопаток образовался липкий холодок, а в затылке явственно свербело. Все эти признаки безошибочно говорили об одном: у него вырос хвост.

Морлок замедлил темп, и, озираясь, отступил к стене, инстинктивно защищая спину. Под утро опустился туман; асфальт влажно блестел. Тени были глубокими и сочными, что предвещало скорый рассвет. В некоторых окнах горели огни, но рассеять мрак они были бессильны. Гримо затаился и прислушался.

Сверчок, капли воды, по соседней улице проехал автомобиль. Где-то взвыл кот.

Гуль так резко дернул головой, что загудели шейные мышцы. Он мог бы поклясться, что не слышал ни шагов, ни дыхания (а Гримо бы услышал), и что еще секунду назад там не было ни души – у края тротуара, в четырех метрах.

А теперь стоял он: силуэт. Черный, узкий, точь-в-точь обсидиановый клинок.

«Вероятно, – отстраненно думал Гримо, – Джек Потрошитель виделся жертвам именно так». (Ему понравился фильм «Из Ада» с Джонни Деппом в главной роли.)

Еще морлок подумал, что перед ним, возможно, призрак, ночной дух сего старого и неизлечимо больного города. Просочился из какого-нибудь склепа, чтобы поведать первому встречному байки о своих прижизненных трагедиях. Но сквозь зловещую фигуру не просвечивал ни единый огонек. Она была непроницаемо темной – еще более черной, нежели окружающая ее ночь.

Силуэт сделал шаг, и Гримо едва не вскрикнул.

– Спокойно, Гримо, старина, это же я! Что, не узнал?... Впрочем, в этом нет твоей вины. Но в дневное время, увы, наше randevu было бы более чем невероятно – по причинам, носящим весьма прозаичный, и столь же удручающий характер...

Голос говорящего был мягким, ровным и уверенно твердым. Судя по всему, сей голос привык повелевать. Таким голосом, не иначе, чрезвычайно приятно командовать что-нибудь вроде «Стоять! Смир-рна!» Или, напротив, иной армейский идиотизм – «Напр-раво! Ш-шагом м-марш!..», и у адресата приказов не возникнет и мысли ослушаться. Голос будто бы незыблемо уверовал в непреложность того, что им степенно изрекалось – неким запредельным, непостижимым для простых смертных образом, – если даже то был несусветный вздор (в особенности – все, что политик обещает сделать, едва займет пост).

Слова, летящие из тьмы, обладали успокаивающим и убаюкивающим воздействием. Они кружились вокруг морлока, окутывая умиротворенным коконом, внутри которого ничто не было особенно важным. Гримо по мере сил сопротивлялся, понимая, что на его психику воздействовали грубым и коварным манером, – будто на затылок опустился лом, обернутый толстым одеялом. Эта сила была древней, могучей, доставшейся обладателю голоса по праву рождения; ее применение не стоило говорившему ровным счетом ничего, поскольку было совершенно естественно, как дыхание, питание, и прочие нужды.

Морлок барахтался в липкой паутине, сотканной большим мастером, и, чем упорнее были его потуги, тем глубже он увязал в сей трясине, и тем прочнее становились нити. Вскоре – это чувство не заставило себя ждать, – они превратились в стальные тросы.

Невзирая на свою подозрительность и недоверие к Системе, к такому воздействию гуль оказался не готов. Паутина тянулась из глубины веков, – сквозь толщу древних костей и хромосомных глубин, с самого мезозойского дна.

Как бы там ни было, Гримо расслабился: ввиду ли ментального лома, бесцеремонно вскрывающего крышку его мироощущения, либо ввиду того, что увидел знакомое лицо.

– А, это вы, господин...

– Прошу тебя, обойдемся без имен, – повелительно прервал его голос. – Так будет лучше. Фигура придвинулась, причем гуль не заметил, чтобы она совершала шаги.

Как и всякий раз, Гримо ощутил, как его с головой накрыло ледяной волной. Собеседника окружала густая, темная, почти материальная аура – некий буфер, мертвая зона, состоящая из страха и смерти. Сей спецэффект был присущ любому вампиру, но в такой степени – считанным единицам. И это страшило.

– Ваше право, гм, господин.

Гримо исподтишка окинул вампира быстрым, наметанным взглядом вышибалы модного клуба, также, в определенном роде, являющегося законодателем мод. Временами морлок с досадой замечал, что, непроизвольно для самого себя, контролирует на предмет «фейса» и «дресскода» прохожих и покупателей в супермаркете, а однажды, замешкавшись у подъезда, едва не прогнал от двери престарелую соседку. Однако, в нынешнем случае он придаться не мог.

Вампир был одет не просто аккуратно и стильно, а безупречно. Не то, что эти тупицы-Новые: неряшливые кожаные одежки, звенящие многими кг. металла (но Макдональдсон велел пускать всех без разбору, ведь «он не желал обострять, да и вообще, эти ребята делают кассу»). Кому-то облик ночного собеседника, возможно, показался бы несколько консервативным, даже старомодным, однако, Гримо был ярым приверженцем классики. Его придирчивому вниманию представили чернее черного костюм-тройку, из жилета коего, поверх белоснежной рубашки, слегка выбивался черный же, с золотым зажимом, галстук. О стрелки брюк, казалось, можно было бриться.

– Как всегда, господин, вы безукоризненны, – сказал морлок, с трудом удержавшись, чтобы не шаркнуть ножкой. – Давненько к нам не захаживали, да?..

– Дела, дела, – вампир улыбнулся, зубы сверкнули во тьме. – И потом, мне совсем не по вкусу эта ваша НОВАЯ публика. Не выношу бестолковой возни.

– Полностью с вами согласен. – Гримо – идейный диссидент, чуждый элемент в Системе – подобострастно закивал. – Да, времена нынче не те, и публика, само собой, категорически не та, что прежде. Сплошь фигляры и подделки.

Вампир заломил бровь, явно в недоумении от поэтических маневров вышибалы, гуля и людоеда. Да, Гримо был начитан,⁴ придерживался прогрессивных воззрений, и вообще, как выразился бы среднестатистический морлок, был «реально продвинут, в натуре». Что, впрочем, ничуть не спасло его нынешней ночью.

– Сегодня, кстати, – продолжил разошедшийся Гримо, – забегал ваш... родич.

– Кто же? – равнодушно осведомился вампир, уже почти утомленный этой болтовней.

– Да Краулер, этот белобрысый... – вышибала спешно прикусил язык, припомнив, что настоящие кровососы горой друг за друга стоят, и, кто там их разберет, вдруг они и вправду родичи. – В общем, Лео, с каким-то придурком.

Собеседник, однако, совершенно не заинтересовался новостью, либо, во всяком случае, сделал столь скучающую мину, что Гримо усомнился, не поведаль ли он, незаметно для себя, что-то в высшей степени тоскливое, не имеющее к Гирудо никакого отношения, как, скажем, какое-то происшествие в далекой африканской стране, на флаге которой красовалось то ли автоматическое оружие, то ли банан.

– Да ну? – флегматично спросил вампир. – И что с того?.. Я не сторож брату моему.

– Да-да, конечно, – поддакнул Гримо. – Я подумал, что это, возможно, вас заинтересует.

Кровосос фыркнул, – чуть более пренебрежительно, чем требовалось, чем было бы достаточно, перебрав самую малость, чего, впрочем, оказалось достаточно, чтобы гуль, невзирая на окутавший его дурман, ощутил фальш и лукавство.

Но какое, в сущности, ему дело до того, что за обиды эти пиявки друг на друга затаили?.. У них-то времени на несколько столетий больше, чем у него, а потому они могли позволить себе разбазаривать его на какие-то там бредовые вендетты.⁵

Гримо пожал плечами:

– Ну, как знаете, дело хозяйское.

– Постой-ка, – лениво («И как ему это удастся?..» – подивился морлок) придержал его вампир. – Стало быть, наш драгоценный племянник нанес светский визит?..

– Может, и светский, – ощерился Гримо, – я не особо разобрал. Только приперся он сюда, сдается мне, только для того, чтобы повидать свою бывшую.

– Ах да, эта душераздирающая история. – Собеседник скорбно кивнул и продолжил: – Мы очень переживали за бедного мальчика. Что, собственно, может быть печальнее убитой любви?.. Сердце юноши было растерзано и выпотрошено.

Морлок слушал очень внимательно. Прежде он не мог и заподозрить, что слово «душераздирающая» могло бы запросто соседствовать с таким вот убитым горем лицом.

– Вообще-то, насколько я знаю, – вкрадчиво возразил Гримо, идейный сторонник справедливости и попок, затянутых в черные кожаные штаны, – это не Валери его бросила, а как раз наоборот. Конечно, я не претендую на звание всезнайки, и не могу знать, как все было на самом деле, но мне что-то такое говорили...

– Я уловил мысль, – ответил вампир, немного поморщившись от такого словоблудия. – И что, состоялась их встреча? И, кажется, ты упомянул о ком-то еще? ПРИДУРКЕ, если не ошибаюсь?.. – он выплюнул слово, будто то было рыбной костью.

⁴ Если подразумевать под начитанностью чтение по слогам «мужской» глянцевої прессы, что, впрочем, на фоне соплеменников делало его едва ли не академиком.

⁵ Наиболее одиозный случай растянулся на четыре столетия: обоюдное возмездие заключалось в том, чтобы совершить прицельный плевок в тарелку представителя враждебной семьи, что повлекло за собой различного рода гастрономические неудобства, как, например, крышки для столовых приборов, повязки «хорошего тона», и, в частности, позволило изобрести столь необходимые германцам пивные кружки, снабженные крышками.

– Ну, встреча-то, вроде, состоялась, – Гримо поскреб пятерней грубый затылок. – За закрытыми дверьми, ясное дело, так что я не в курсе, что они там перетерли. – Гуль вдруг заметил, что, в присутствии этого велеречивого и утонченного существа, к нему возвращаются старые манеры, и, как ни странно, типично гульские словечки. Природа брала свое. – Это было не особенно долго. Потом они свалили. А тот придурок – здоровенный бугай, вроде из Стаи.

– Из Стаи, говоришь?.. С чего бы Истинному шататься по клубам с одним из этих... вонючих животных?.. – Вампир говорил со столь ощутимым и внятным отвращением, что Гримо решил, будто сейчас начнется лекция о расовом превосходстве.

Но нет, обошлось.

– Почему я знаю?.. – воспользовался своим шансом вышибала. – Может, они кореша, или у них совместные интересы. Мотоциклы те же, не знаю... Кстати, это «вонючее животное», как вы выразились, разъезжает на «Ямахе» вашего племянника. А еще они сперли мечи, – сообщил Гримо, никогда не упускавший возможности поделиться с ближним информацией о каком-то ином, менее ближнем.

– Мечи?.. – Собеседник озадаченно нахмурился.

– Ну да, – кивнул гуль, и, упреждая следующий вопрос, дал развернутую справку: – Длинные такие, самурайские. Крутые катаны. Ручная работа, знаете ли.

Вампир молчал.

– Словом, – смутился Гримо, словно это был не взгляд, а ушат ледяной воды, – я видел, как ваш племянник и ликантроп выходили с мечами. Хотя явились налегке.

Вампир не произнес ни слова, и это было уже не просто молчание, а, скорее, пристальное, вдумчивое, и в высшей степени безоговорочное ожидание.

«Извинений?..»

– Поймите меня правильно, – заикаясь в потеках дурмана, стекающих с головы густыми струями, пролепетал морлок, – я ни в коем случае не утверждаю, что Краулер украл мечи, или, тем более, похитил... Я увидел то, что увидел, ничего более.

Кровосос еще лениво поковырял его взглядом, на дне которого, казалось, крутились черно-белые гипнотические спирали, и, когда Гримо уже собирался пробормотать что-то вроде «Ну, а если вдуматься, я вообще-то и не разглядел ничего...», с апломбом, достойным подыхающей на подиуме топ-модели, процедил:

– Между «украл» и «похитил», если ты еще не в курсе, нет особой разницы. Уж я-то знаю. Далее. Если ты не видел, как Лео забрал мечи, с такой хрупкой категорией, как частная собственность, следует обходиться с предельной осторожностью. Речь идет не о мелком воришке, а о члене Клана, Истинном, потомственном бароне, наконец. И в-третьих, Гримо, с чего ты вообще взял, что мне будет интересно слышать о этом бездельнике, шуте и паяце?..

Морлок шаркнул ножкой.

– Это... одно лицо?.. – чуть слышно спросил он. И тут же поправился: – Я не знал, что он – барон...

– Ладно, это абсолютно не важно. Не бери в голову, старина. Я явился совсем не затем, чтобы донимать тебя спорами о своих долгоживущих, кол им в одно место, родственниках. – Вампир сделал широкий жест, будто бы намеревался обнять Гримо (но не обнял). – Эта встреча состоялась по иному поводу.

И – загадочно умолк, как умеют лишь кровососы. Аккурат перед тем, как поставить жертву в известность относительно своей противоестественной сущности каким-нибудь издерганным штампом о бессмертии и плате за оное.

Морлок заморожено уставился в два бездонных зрачка, два ружейных дула, откуда, в свою очередь, на него смотрело нечто холодное и скверное, живущее и живучее, вопреки тому, что ему уже давно самое место в глубокой могиле.

И – вздрогнул, когда раздался хлопок закрывающейся автомобильной двери, прогремевший в ночи, словно выстрел. Это позволило Гримо самую малость ослабить путы, сбросить наваждение, и гуль покосился в ту сторону, где, как ему показалось, находилась гипотетическая дверь, и еще более гипотетический автомобиль.

«Еще более» оттого, что минуту назад Гримо не замечал там никакого авто, следовательно, ему неоткуда было взяться и сейчас. Но – вуаля!.. – он был там, точно по ошибке выпал из цилиндра фокусника вместо обещанного кролика: большой, черный, пышущий мощью, лоснящийся сотнями лошадиных сил, и непреодолимо напоминающий катафалк. «Эдакий Дракула-мобиль», – решил гуль.

А еще – все четыре двери были закрыты. Не удивительно, потому как по какой-то зловещей, ускользающей от понимания причине Гримо услышал звук закрывающейся, а не открывающейся двери, хотя не приходилось сомневаться, что в определенный момент она все-таки открывалась. Чтобы выпустить из салона Нечто.

Более необычного вида существо морлок и не припомнил. Вероятно, он удивился бы меньше, если бы посреди улицы совершила бы эффектную посадку летающая тарелка, и из ее недр затем появились бы представители инопланетной цивилизации, принявшие гуля за высшую разумную форму жизни Земли.

Сие происшествие, по крайней мере, было бы обыденно (в узком ракурсе антинаучной фантастики) и вполне объяснимо (за исключением того, что касалось «высшей разумной формы»). Но никак не то, что предстало глазам Гримо.

Это нечто, или, вернее было бы сказать, некто, очень старался, чтобы выглядеть как Смерть из фильмов ужасов, режиссеры которых бились в истерику при слове «бюджет», для чего разжился где-то весьма нафталинового вида маскарадным костюмом. Эдакое хламидообразное облачение посредственного черного цвета, пыльные нагромождения коего казались единым текстильным монолитом. Но нет – по бокам едва-едва угадывались рукава, а сверху нависал капюшон.

Что касалось телосложения... существа (морлок мысленно назвал его именно так, потому как не представлял, что за человек мог по собственной воле облачиться в ТАКОЕ, вампира же, вероятно, не удалось бы заставить и под колом), то и здесь ничего определенного сказать было нельзя. Помимо, пожалуй, того, что Гримо (преданный фэн «Секретных материалов») ловко классифицировал его как гуманоида, то бишь, человекообразную образину неопределенной внешности.

Где-то там, в глубинах хламиды, были руки, ноги, и что-то еще, судя по всему, некая ручная кладь, из-за чего подол одеяния как-то неправильно задирался и на эту самую кладь ниспадал. Со стороны выглядело крайне зловеще, и морлок даже поежился. Ни обуви, ни кистей рук, ни головы видно не было.

А еще – существо передвигалось какими-то рывками, будто пребывало под гнетом собственного тела. Эта дерганая ходьба напоминала первые черно-белые фильмы – о существах, живущих в миллиметре от границ киноплёнки, в просветах между кадрами, в деятельной зыби, бушующей меж «паузой» и «воспроизведением».

«Всякая марионетка лютой завистью позавидовала бы такой грации», – в несвойственной ему поэтичной манере подумал Гримо. Он даже задрал голову, силясь обнаружить – где-то на крышах, между печных труб, на фоне бархатной тьмы, скупой усыпанной песчинками звезд, – призрачного, но могущественного кукловода. После чего повернулся к тому, кого именовал «господином».

Да вот же он, хотя в его руках нет никаких нитей.

– Кто это?.. – спросил морлок.

– Это?.. – Вампир обернулся, точно не слышал ни выстрела двери, ни шагов. – А, это мой друг. Приятель. Не обращай на него внимания, Гримо, у нас другие дела.

Персонаж в костюме Смерти взошел на тротуар и замер в одном шаге от «друга». Недостаточно близко, чтобы участвовать в разговоре, но вполне достаточно, чтобы слышать каждое слово. В обманчиво-расслабленной позе телохранителя. Если это и был «приятель», то с весьма специфическими задачами.

Гуль неуверенно кивнул. Легко сказать – «не обращай внимания». Он чувствовал, как его взгляд словно магнитом тянет к черной человекообразной тени, глубокой и таинственной, сродни омуту, населенному ползучими ужасами. Вышибала то и дело косился на оную фигуру, и помешать тому, судя по всему, не мог ни вампирский морок, ни растущее раздражение того же.

Гримо заметил, что незнакомец был высок, выше его самого, с широкими костлявыми плечами. Провал капюшона – согласно обычаю всех тех, кто носит на голове такие штуки – чернел бездонным мраком. Привратнику казалось, что он различает в этом колодце сияние пары начищенных до блеска золотых монет.

И, в то же время, прекрасно сознавал, что это никакие не монеты.

– Гримо, ты слышишь?.. – с редкой назойливостью справился вампир. – Дела, верно?..

– Да-да, я здесь, – почти без опоздания откликнулся морлок. – Что вам угодно? Виски, абсент, кальян, марихуана, снежок, кислота, возможно, девочки?.. – Все это он заученно отта-
рабанил, почти не отвлекаясь на паузы и знаки препинания.

Собеседник поморщился.

– Оставь эти свои профессиональные речевки, хорошо?.. Мы к тебе по делу, я же говорил. В противном случае ты оповещал бы Краулера о нашем визите, а не наоборот. – Улыбка спорхнула с бескровных губ, словно бледная ночная бабочка, посещающая преимущественно мертвецов в их старых склепах. – А нужно нам следующее. Информация. Ты еще поддерживаешь отношения с родичами?..

– Ну, мы не устраиваем семейных пикников, если вы об этом, – сказал Гримо, невольно представив один из таких «пикников» (кладбище, залитое лунным светом, лежащие в сторонке лопаты, обглоданные кости и потроха на могильной плите; семейка у разрытой могилы, облизывающая пальцы), и – содрогнулся.

Да, он уже не тот, что прежде. Система подспудно сделала свое дело. Мясо из супермаркета не вкуснее картона, однако, его не в пример легче и безопасней добыть.

– Не совсем. Ваши кладбищенские посиделки – сугубо личное дело, – тактично сообщил вампир, явно бывший в курсе кое-каких деталей, и – не только особенностей гульей кулинарии. – Меня, вернее, НАС, интересуют дела твоих родичей несколько иного свойства – не вполне законного, если ты понимаешь, о чем я.

О, Гримо понимал. Его сородичи постоянно что-то тащили, угоняли и вымогали, то и дело кого-то обчищали, грабили и похищали. Гули были самой криминализированной нацией в мире, хотя о самом их существовании мало кто знал.

– Э-э... Что именно, господин?.. – осторожно спросил Гримо.

– Видишь ли, мне... НАМ необходимо уладить одно щекотливое дело. Заполучить кое-что, формально принадлежащее не нам, из, опять же, формально частного владения. Как ты понимаешь, ни я, ни мой друг не можем совершить это собственноручно – всему виной несовершенные условности закона, строящие мудреные ловушки даже тем, кто пережил множество законодателей, и, по-видимому, переживет еще больше. Однако, я слышал, – вампир эффектно поднял брови (впрочем, ВСЕ, что он делал, было на редкость эффектным), – твои соплеменники достигли невиданного мастерства в такого рода предприятиях, верно?..

– Ну-у... – протянул Гримо.

Некоторое время он пережевывал услышанное, гадая, каким образом, к примеру, шумный взлом двери винного магазина, с последующим – куда более шумным – распитием спиртных напитков, был связан с невиданным мастерством.

Ну да ладно. В конце концов, – морлок покосился на высокую фигуру в капюшоне, – особе, у которой в телохранителях ходит сама Смерть, всегда виднее.

– Пожалуй, – не особо уверенно ответил Гримо. – Они проворачивают кое-какие делишки, но я не думаю, что господина вроде вас устроят их услуги.

– Устроят, устроят, – с поспешностью заверил вампир. – Об этом даже не тревожься. Все, что от тебя требуется, это подыскать подходящих ребят, и – я настаиваю!.. – получить свои комиссионные. Что скажешь, дружище, ты согласен?..

Гуль переступил с ноги на ногу. Его бросало в дрожь от одного лишь факта, что старый и чрезвычайно опасный кровосос, потрошитель и душегуб с сердцем черным, как карбюратор тягача, зовет его «дружище». Почти то же, как если бы Гримо влюбился в опасную бритву. Но в голове уже работал кассовый аппарат, приведенный в действие волшебным словом «комиссионные».

– Ну, согласен?.. – поторопил его вампир.

– Гм... Точно не знаю, но, наверное... – Ощутив на макушке пудовый взор собеседника, вышибала протараторил: – Словом, изложите, в чем суть да дело, а там поглядим.

Вампир сощурился, – между век полыхнуло белое пламя, – и, по всей видимости, в высшей степени сдержанно изрек вовсе не то, что ему бы хотелось:

– Что ж, дело вот в чем. Один... торгош получил в свою номинальную собственность некий предмет, который ему совершенно ни к чему, однако для меня, напротив, сей предмет имеет поистине неопишемую историческую и культурную ценность... Упомянутый же коммерсант, в силу своего вопиющего невежества, и, чего уж, бесстыдной алчности, наотрез отказался от сделки.

– Очень некрасиво с его стороны, – подумав, сказал Гримо. – А кто тот барыга, говорите?..

– Это несущественно, – грубовато отмахнулся крововосос, но, словно о чем-то вспомнив, о чем-то СУЩЕСТВЕННОМ, добавил: – Впрочем, тот тип держит ломбард.

– Ломбард?.. – Гуль мысленно перебрал знакомых ему ростовщиков, и интенсивно скреб затылок, будто стимулировал этим мысленный процесс. – Родригес, что ли?..

/Он сразу понял, что попал в точку./

Вампир дернулся, застигнутый врасплох такой прытью, предпринял попытку сделать невозмутимую физию, и, очевидно, покачать головой, но, в итоге, кивнул.

– Он самый. Как ты догадался?..

Польщенный, Гримо надулся от гордости.

– Ну, его лавочка находится не так далеко, я знаю его лично, и, кроме того, он и прежде водился с вашим братом... Я хочу сказать, с Истинными из Гирудо.

– А ты, часом, – собеседник пристально на него посмотрел, точно пытался на глазок определить, что гуль ел на ужин, – не слышал, в последнее время, еще чего-нибудь?..

– Это про Родригеса-то? Нет, – «но непременно выясню», – добавил он про себя.

Вампирский морок ослабел – не иначе, от пережитого «генератором» короткого замыкания.

– И – что?.. – лукаво допытывался оный иллюзионист. – Раз уж ты понял, о ком идет речь, теперь, полагаю, тебе будет... впрочем же, и вовсе не составит труда составить для нас краткий – да-да, предельно краткий список лиц, каковые наилучшим образом подошли бы для нашего маленького дельца.

– Список рыл?.. – Гримо поднес руку к носу, дабы поковыряться в левой ноздре (такое с ним случалось в моменты глубочайшей задумчивости), но, опомнившись, отдернул. – Для дельца?.. Выпотрошить тот несчастный ломбард?..

– Ну, если воспользоваться твоей терминологией... – Собеседник скосил глаза в сторону, – ...то, допустим. В самом деле, мы нанимаем гулей, а не филологов.

– Вот и верно, – буркнул Гримо. – Давно пора поставить того урода на место. – Он заметил, что вампир бросил на него какой-то странный взгляд (в иных обстоятельствах это выражение глаз можно было толковать как «не гоже так говорить о покойниках», но вышибала, как поступил бы любой на его месте, не придавал значения). – Вам нужны толковые ребята?.. Дело ведь в том, собрались ли вы выпотрошить только ломбард, или еще и Родригеса впридачу.

Фигура в черной хламиде будто бы переступила с ноги на ногу, хотя сказать наверняка было затруднительно. А у вампира расширились зрачки – это Гримо отметил безошибочно. По долгу службы он каждую ночь имел дело с наркоманами.

– Нет, – последовал несколько напряженный ответ. – Это лишнее. Мы попадем в ломбард ночью, в самую глухую пору. Тем не менее, нам нужно учитывать, так сказать, и человеческий фактор – единственный, как ты понял, в этой истории. Если Родригесу вздумается засидеться допоздна, твои родичи должны поступить единственным возможным образом. Свидетели ныне не в чести. Убить его, – с нажимом пояснил вампир. – Хладнокровно застрелить. Из пистолета, полагаю.

Морлок переводил глаза с одного на другого.

– Чего это вы?.. Он еще жив, насколько я понимаю. И вообще – к чему пистолеты? Я понимаю, клиент всегда прав, но стволы – штуки хлопотные и малоэффективные. Шуму от них, разбрасывают там и сям улики, да и сами, ясное дело, конкретные такие улики. На дело с паленым стволом идти стремно, а выбрасывать жалко. Лучше уж топор, или те же ножи – поверьте моему опыту.

Вампир, как ни странно, был непреклонен.

– Нет, они должны уметь обращаться с оружием. Крайне желательно – иметь свое.

– Вроде как со своими инструментами, да?.. – заухмылялся Гримо, но, наткнувшись на взгляд, уже почти обросший ледяной коркой, и уже почти имевший массу, заткнулся.

Посерьезнел. Призадумался. Вновь принялся терзать многострадальный затылок.

Принялся перебирать соплеменников, и поныне остающихся в седле вооруженной, плачевно организованной подземной преступности. Не тот, не те... Кривой, Костлявый, Горбатый, Слепой – пичуги мелкого полета. А вот Пейн сотоварищи – баллистическая ракета дальнего радиуса действия, самонаводящаяся на цель, на старте в любое время дня и ночи. Головорезы отъявленного происхождения: Ворон, Доберман, да Баламут. Папу за доллар прикончат (кто-то, по слухам, именно таким образом и поступил). Что примечательно, они чуть что пускали в ход свои пушки – старые «Кольты». Особенно этим славился то ли Ворон, то ли Доберман. Чуть что не по ним, сразу пиф-паф.

Однако, Гримо остерегался этого Пейна, и в чем-то даже побаивался. «Док», как называли его подопечные, имел жуткий норов и трудолюбивый желудок, вследствие чего постоянно испытывал как эмоциональную, так и физическую неудовлетворенность, а порой – неполноценность. Как дикий зверь (от которого, собственно, гули тщетно бежали по эволюционному эскалатору), он рыскал по кладбищам в поисках жертв, – сочного и неживого мяса...

Вздвогнув, Гримо очнулся. Всею виной, должно быть, морок.

Несмотря на все перечисленное, главной причиной того, что морлок не желал служить передаточным звеном между вампиром и Пейном, было то, что «Док» слыл на редкость щепетильным и злопамятным. Мало ли, что могло прийти ему в голову, когда к нему обратится некий Гирудо, которого перенаправил не кто иной, как Гримо, пытающийся жить тихой и мирной жизнью вышибалы.

Посему означенный морлок задвинул кандидатуру Пейна, заодно со всеми его плотоядными прихвостнями, в дальний ящик. Тут он вспомнил еще одного сородича – Штангу. Этот подонок подойдет господину вампиру в самый раз.

– Да, господин, – сказал Гримо, когда в его голове прояснилось от мучительных раздумий, – я тут вспомнил кое-кого. Он будет вам в самый раз. Типаж еще тот, но вы не обращайтесь

внимания. Сейчас, насколько я знаю, у него нет постоянной бригады, однако, этот проныра либо сам наберет для дела подходящих ребят, либо передаст заказ кому-нибудь еще. – «И, кроме того, до меня ему не добраться, а если хватит ума задействовать Пейна, отдуваться будет сам».

– Как его зовут?..

– Штанга, господин.

Вампир недоверчиво скривился.

– Имя-то не очень. Не внушает особого доверия, ты не находишь?..

– Он классный специалист, – с поспешностью заверил Гримо. – Счет в нашем деле будь здоров. У него обширные связи в нашем подземелье, он и прежде находил для парней работу. В данном же случае, с его помощью, РАБОТА найдет парней гораздо быстрее, чем это вышло бы у меня – здесь, на поверхности. А еще, – проникновенно добавил гуль, – он здорово палит из пистолета.

Это, казалось, и решило дело.

– Хорошо, – кивнул вампир. – Свяжись с ним. Немедленно.

Вышибала замялся. Вероятно, было лишено какого-либо смысла (и, в значительной мере, – быстрый взгляд на Смерть, – чревато) врать, что у него, мол, нет с собой ни приборов связи, ни номера Штанги. Вампир, будто рентген, смотрел сквозь него, и видел внутренности умысла под покровом лжи и опаски.

Вздохнув, Гримо достал телефон.

Вдруг на виске забила предпринимательская жилка.

– Помнится, – дерзко скалясь, и, что было гораздо большей дерзостью, не считая это дерзостью, – вы говорили о комиссионных, если, разумеется, я верно понял.

– Да, ты совершенно прав, – с мягкой, но ничуть не настораживающей улыбкой сказал вампир.

Гримо где-то слышал, что вампиры не улыбаются мягко, и, тем более, не настораживающим манером (именно по той первородной причине, что они вампиры), но это показалось ему таким далеким, недостоверным, и не имеющим к нему ни малейшего отношения. Кроме того, эта улыбка утверждала, что ему вот-вот дадут денег.

И в самом деле: Гирудо сунул руку во внутренний карман костюма, и одним элегантным, исполненным грации мановением явил миру (а равно грубоватой, небритой части оного – окаменевшему в немом восторге гулю) – о диво!.. – пачку прелестно-зеленоватых купюр, скованных сверкнувшим в ночи невыносимо-прекрасным блеском чистейшей Красоты, на которую способна лишь незамутненная алчность. Зажим прыгнул прямым в руки Гримо.

Морлок едва не выронил сокровище, но рефлексы капканом сомкнули пальцы. Гримо отстраненно удивился, что не обжег ладонь, и осмотрел зажим. Она безделушка представляла собой куда более волшебный образ, нежели пачка сложенных вдвое \$ (судя по толщине, две с лишним тысячи, около того). Червонное золото: искусно отлитая драконья голова, с чешуей и всем таким прочим, снабженная потайной пружиной. Крошечные зубки оставили на долларах параллельные ряды отмятин, а в глазах дракона, что окончательно и бесповоротно привело Гримо в финансовый экстаз, горели изумруды.

Это зеленое пламя, внутри которого живет демон почище абсентовой феи, навсегда забрало душу гуля.

Некоторое время он ждал, что иллюзия развеется, а зажим станет тем, чем, в сущности, являлся – комом мерзких скользких червей, или крысой с горящими глазами. Но нет: и золото, и деньги по-прежнему радовали своей приятной тяжестью.

Будь Гримо рыболовом, он отнесся бы к этому блеску со здравым подозрением.

– Теперь порядок, господин, – жизнерадостно улыбнувшись, сообщил вышибала, имевший весьма смутное представление о рыбной ловле. – Вот, значит, я звоню...

Вампир терпеливо кивнул.

Морлок нашел в «телефонной книге» номер Штанги. Поднес аппарат к уху.

– Гудки, – проинформировал доверительным тоном. – Значит, Штанга где-то на поверхности. Под землей, как вам известно, от сотовых не больше пользы, чем от весла... – Это была наглая ложь. Ушлые гули оборудовали в Клоаке приемо-передающую антенну радиосвязи, которую стащили из военного бункера, забытого после окончания «холодной войны». – Але, але!.. Связь паршивая, ничего не слышно, – вновь прокомментировал Гримо, и в этот раз сказал правду. – Видать, Штанга засел в каком-то подвале, с пивом и девочками... Але, Штанга, слышишь?! Это я, Гримо... ГРИМО, говорю... Да. Ага, звоню как раз чтобы вернуть долг. Слушай, у меня к тебе разговор. Тут такое дело... Короче, нужно подыскать толковых ребят, чтобы накрыть одну лавочку... Не для меня. Для одного господина. Из БЛЕДНОЛИЦЫХ, в общем. Да. Что за лавочку?..

Господин, условно обозначенный как «бледнолицый», покачал головой.

– Да небольшую такую, уютную, – смекалисто отшутился Гримо. – Что ты будешь с этого иметь?.. Полагаю, весьма недурственную плату за услуги посредника, или, если лично поучаствуешь в деле, еще больше, как ты понимаешь... Да плевое дело, за ночь обернетесь. В этом ломба... Короче, там вообще ерунда. – «Бледнолицый», будто лазером, прожег его ненавидящим взглядом. – Кто сказал «ломбард»? Нет, я хотел сказать, что «Ламборджини» ты себе, конечно, не купишь, но кое-что заработаешь... – Гуль с нежностью полировал дракона пальцем.

Некоторое время вампир сосредоточенно вслушивался в нестройный поток угуканий, даканий, «ну, не вопрос», «само собой, старина», и прочих фраз, служащих своего рода фоном, подтверждающим, что тот, кто занимал противоположный конец провода или радиоволны, по-прежнему внимает тому, кто засоряет оный провод – либо радиоволну – чрезвычайно важным акустическим шумом.

Наконец Гримо попытожил переговоры следующей фразой: «Ну ладно, дружище, приглядывайся к выпивке», и отключил телефон. С улыбкой повернулся к вампиру.

– НУ?! – осведомился тот тоном убийственно-ледяным, вызвавшим бы зависть у самой Снежной Королевы.

– Все тип-топ, шеф. В смысле, я выполнил вашу высочайшую просьбу. Штанга встретится с вами, чтобы обсудить детали – сами понимаете, это не телефонный разговор.

Морлок кивнул с видом в высшей степени компетентным.

– Да-да, конечно, – задумчиво ответил вампир. – А что, собственно, он согласен?..

– Это, господин, вам и предстоит выяснить, – Гримо пожал плечами. – При личной встрече.

– Безусловно, – признал собеседник, и буднично спросил: – А кстати, вы условились, кто придет на встречу?.. Я хочу сказать, он не настаивал на твоём участии?..

Тут-то вышибале и следовало обеспокоиться (собственно, это был его последний шанс), однако, из пучин зеленого пламени все выглядит таким безопасным, что Гримо не составило никакого труда беспечно отмахнуться от сомнений.

– Да куда ему, увальню... Нет, не настаивал. А что?..

– Нет-нет, ничего... Где, говоришь, мы со Штангой встретимся?..

Морлок алчно замешкался. Драконья голова в руке, как и ожидалось, решила дело.

– На старом юго-западном кладбище, знаете такое? – Гирудо кивнул, и гуль продолжил: – У склепа Форбсов, что у восточной ограды. Место тихое, вам никто не помешает. – «Если только не объявится какой-нибудь кретин, вроде Пейна, с лопатой».

Штанга уверенно допустил, что кровососы чувствуют себя как дома в окружении склепов, надгробий и каменных ангелов, и, похоже, не ошибся – данный кровосос, судя, во всяком

случае, по внешнему виду, не испытал никакого смущения, а отчасти, казалось, был даже чем-то недвусмысленно доволен.

– Когда?..

– Через одну ночь. Разумеется, в полночь.

– Разумеется, – улыбнулся вампир, и Гримо увидел, как сверкнули его зубы. – Ты мне... нам очень помог, дружище. Еще один вопрос, последний – сегодня их было достаточно, – и ты свободен. Вы со Штангой еще будете друг другу звонить?..

Слова кружили вокруг, будто черные птицы (или, что более уместно, летучие мыши).

Гримо безмолвно следил за их полетом. Точно со стороны, наблюдал, как качается его голова.

– Нет. Он не любит менять реш...

Вампир отмахнулся столь резко и нетерпеливо, словно вся эта беседа опротивела ему до крайности, – без малого до смерти, поскольку он все же ее пережил, – и любое ее продолжение было непременно чревато сильным стрессом.

Обернувшись к своему спутнику, Гирудо кивнул – точь-в-точь курок спустил. (Во всяком случае, последствия для гуля были бы примерно теми же.)

Смерть в балахоне шагнула вперед и взметнула руку с такой прытью, что Гримо, выдавший, казалось бы, виды, не успел ни увернуться, ни чего-либо еще. Как говорится, напоследок. Из рукава балахона показалась рука, каждый дюйм которой был покрыт жесткой чешуей, отличавшейся в ночном сумраке безднами первосортных чернил. Длинные пальцы логично завершались острыми когтями.

Эта самая лапища основательно ухватила Гримо за голову. Не за шею, а непосредственно за череп, опустившись на макушку. Пальцы убийцы (до морлока уже дошло, что это его убийца, – остальное, в сущности, не важно) с невероятной силой начали сжиматься. Когти вонзились в кожу Гримо, и он ощутил, как по его щекам бегут струйки горячей крови. Не чьей-то там, а его, гримовской, крови.

И тогда Гримо закричал. Завизжал, как девчонка, как ни разу в жизни не визжал: почувствовал, с ясностью отблеска на топоре палача, близость и неотвратимость Смерти.

Вопль прокатился по улице, рассек благостную тишину хрустальным серпом.

В следующую секунду когтистая лапа, продолжая удерживать гуля за голову, без видимых усилий его приподняла, – да так, что Гримо едва-едва касался асфальта носками ботинок, – отчего жертву полностью парализовал животный ужас (зная свой вес, морлок никогда бы не подумал, что кому-то такое под силу).

Из тьмы капюшона донеслось злое шипение, какое могло бы издавать пресмыкающееся, прежде чем ее ледяное, лоснящееся чешуей тело, представляющее, в сущности, один сплошной желудок, поглотило бы еще живую добычу. Сверкнули желтые глаза – теперь Гримо знал, что это, увы, не золото, – их блеск преломился в сетчатке морлока и последовал дальше, в черные тенета души, где, прыгая от одной стены к другой, спускался все глубже, но не мог разогнать царивший там мрак... Эти глаза были последним, что Гримо видел.

Фигура в хламиде дернула лапой из стороны в сторону. Ноги морлока беспомощно волочились по асфальту. Раздался громкий сухой треск, – с таким звуком ломались второй и третий шейные позвонки Гримо. Убийца с силой встряхнул труп, убеждаясь, что жизнь не теплится в этом теле, после чего швырнул прочь с небрежностью, достойной испорченной игрушки.

Столь трагично погиб Гримо, идейный борец с Системой, но, как это зачастую бывает, павший в неравном бою с самым вероломным из врагов, – собственной алчностью.

Вампир безразлично проследил за полетом, и, когда морлок наконец приземлился, сказал:

– Ты бы еще по кусочку откусывал, что ли... В радиусе трех кварталов уже никто не спит.

Существо в балахоне с откровенным сомнением оглядело черные окна.

– А вы... не желаете?.. – капюшон качнулся в сторону трупa.

– О нет, благодарю покорно!.. – со смешком отказался вампир. – Гули, знаешь ли, это пища на любителей, к тому же для луженых желудков, хотя кое-кто находит их весьма пикантными... Я, однако, воздержусь. Да и сыт, вроде бы. Да.

Они направились к автомобилю, что вызвал у покойного Гримо столь прочные аналогии с катафалком.

– С-скажите, гос-сподин, – прошелестело из капюшона, – вы уверены, что на вс-стречу придут те, кто нам нужен?.. Ведь морлоков много, и вс-се они, уверен, вороваты...

– Мне это известно, – слегка раздраженно отозвался собеседник. – Но, к сожалению, иного выхода нет. Если это будут не те, кто нам нужен, они, возможно, знают, кто побывал в ломбарде. Так или иначе, мы будем ближе к цели.

Капюшон зашипел с некоторой долей сомнений.

– Прос-стите, гос-сподин, я могу ошибатсь-ся, но даже мне очевидно, что это с-слишком похоже на ловушку. Ес-сли ВС-СЕ морлоки трус-сливы, как наш мертвый друг, дело худо. Они поймут, что мы их ищем... И прос-сто не придут.

– Мой догадливый, но наивный помощник... – Вампир вздохнул. – Я, к твоему сведению, учел, что морлоки страшно подозрительны, и с редким недоверием относятся к тем, кто живет у них над головами. В особенности – к моим сородичам. Такое отношение, справедливости ради следует признать, сформировано историей, и вполне обоснованно... В частности, теми же гастрономическими пристрастиями, о которых я упоминал... А Гримо, если ты помнишь, предостерег этого сомнительного Штангу, что им предстоит иметь дело с вампиром. Я ПОЗ-ВОЛИЛ ему, – самодовольно пояснил говорящий. – Тем не менее, я и сейчас абсолютно убежден, что наша с дикарями встреча состоится.

– Как вы можете быть с-столь уверены, гос-сподин?..

Казалось, шипящее существо намерено подстраивается к неспешной, старомодной и выпененной манере вампира излагать свои мысли. В некотором роде, возможно, оно было даже начитанно. Действительно, принадлежность к древней /вымершей/ реликтовой расе разумных ящеров, и способность без особых усилий отрывать головы жертвам, весящим не меньше центнера, – ни это, ни другие странные нюансы еще не означали, что она тварь не могла быть начитанной. Чтобы убедиться в этом, достаточно лишь заглянуть в одну камеру под штаб-квартирой Клана Вурдалаков, где много глянцево-рекламной.

Похоже, «гос-сподин» ценил это качество в подручном. Оно, хотя бы отчасти, компенсировало отсутствие горба, косоглазия и славянского имени Игорь.

– Элементарно, мой друг. Все указывает на то, что воришки забрались в ломбард если не по воле случая, то, во всяком случае, руководствовались ошибочными сведениями. Уверен, они обнаружили в чемодане совсем не то, что желали. Ну зачем, в самом деле, гулять столь сильный артефакт?.. И в самом деле, незачем. – Вампир пошарил по улице взглядом, работающим в режимах инфракрасного и термального сканеров одновременно. – Ввиду этого я склонен предположить, что гули придут на встречу, чтобы продать нам Череп.

– Продать? – изумленно прошипел капюшон. – Гос-сподин, вы будете с-с ними торговатсь-ся?!.

Вампир поглядел на него, подняв брови, и ничего не ответил.

Ни один, ни другой фигурант странной сцены ничего не заметил. А между тем, за ними наблюдали. Вампир, возможно, что-то и почувствовал, – потому и вертел головой, будто старался стряхнуть с себя этот совершенно неуместный взгляд, – но, не иначе, приписал его какому-то смертному, разбуженному криком, и испуганно выглядывающему из-за жалюзи либо штор.

На самом деле смотреть следовало совсем не на окна, и, тем более, не на проезжую часть, а в ином направлении, причем по вертикали – под самые крыши. Однако, знание этого еще не гарантировало, что поиски дадут результаты. Там, под крышами, царил предрассветный мрак, а компактное тельце, раскрывшее крылья для лучшей теплоотдачи, на черном фоне стен казалось едва заметным теплым пятнышком. Беззвучное, неподвижное, не издающее запахов.

Шпион знал свое дело, и обнаружить его было непросто даже такому древнему, привыкшему к постоянной угрозе, обитающему в тени подозрений и страха, где, на протяжении многих столетий, защитой ему служили лишь вымысел и суеверия, – даже такому существу было непросто выявить подобную слежку.

Дождавшись, когда вампир и его спутник, один вид которого внушал шпиону ужас, усядутся в свой зловеющий транспорт, нетопырь сложил крылья и зябко поежился. Он висел вниз головой, и едва успел направить уши в другую сторону, когда взверел огромный мотор. Зажглись алые и желтые огни, точно пробудился грозный хищник, – с лоснящейся черной шкуррой, оскаленной решеткой радиатора, и, перебирая по асфальту мягкими лапами «Michlen», устремился прочь.

Шпион проводил его взглядом. Авто давно скрылось из виду, но шум мотора еще долго набивался в уши, словно комья влажной ваты. Разинутая пасть нетопыря влажно поблескивала мелкими зубками, когда он тарачил бусины глаз на лежащее внизу тело. Наконец, распустив с тихим шорохом крылья, мышь спикировала к асфальту, но не коснулась его, а скользнула в подворотню.

Некоторое время оттуда доносилась довольно шумная возня. Затем, к недоумению возможных очевидцев, раздался перестук каблуков, звучащий вполне уверенно, даже, в некоторой степени, самодовольно. Кто-то вышел из подворотни, и этот «кто-то» отличался от летучих мышей в той же мере, сколь носорог далек от таксы.

Каблуки («стук-стук», «стук-стук») весьма неторопливо приблизились к трупу. Острый носок сапога, без намека на брезгливость, не говоря уже о почтительности, ткнул Гримо под ребра. Бестолку. В этом, как и во многом другом, гуль проявил солидарность с подавляющим большинством прочих трупов.

Сапог разочарованно шаркнул об асфальт.

Впрочем, чья бы нога в нем ни находилась, оный персонаж не мог не понимать, что на другой результат рассчитывать особенно не приходилось. Если уж, собственно, Гримо лежит непосредственно здесь, он был мертв, – что называется, мертвее некуда.

Каблуки соблюли своего рода минуту молчания, и – «стук-стук, стук-стук», – направились в ту самую подворотню, откуда и появились. Невольный наблюдатель не успел бы даже заскучать, когда меж домов прокатился новый звук. На сей раз, как ни странно, это вновь был шум мотора, но куда менее громкий.

Из подворотни выехал автомобиль, – компактный, скромный, и, если бы не обстоятельства, совершенно ничем не примечательный. За стеклами царила непроглядная тьма. Авто деликатно свернуло на проезжую часть, и покатило себе дальше. Фары не испускали ни единого лучика света, покуда место событий, с лежащим в самом эпицентре трупом, не осталось в ста метрах позади.

Затем исчез и этот свет, мотор затих вдали.

Близился рассвет.

Пейна разбудил телефонный звонок. Взглянув на дисплей, он сонно убедился, что на связи «абонент Штанга», и, чертыхнувшись, отключил телефон, по собственному признанию, «на фиг». Только этого недоноска ему и нехватало.

Леонарду снились некие невнятные обрывки, разрозненные осколки цельных образов, чья пугающая, тревожная сущность, впрочем, была более чем ощутима. Сие, однако, ничуть не мешало ей ускользать от восприятия, и, сколько альбинос ни тужился, вспоминая заветы Кастаньеды, узнать ничего не сумел. Это было так же нелегко, как увидеть свое лицо в грязных и острых осколках зеркала, лежащих, к тому же, на значительной дистанции друг от друга.

Полежав минуту без сна, вампир вновь соскользнул в беспросветную, черную мглу.

– О, гос-сподин, не делайте этого, – сонно взмолилось существо, и, не просыпаясь, перевернулось на другой бок, едва слышно посвистывая и посапывая.

Вампир смотрел на спящего подручного. Глаза его пылали в темноте парой алых углей.

– Вот урод, блин, – в сердцах бросил Штанга.

Леонарда разбудил некий хлопок. Полежав, размышляя, на атласной обивке «Транквилизатора», он идентифицировал звук как тот, что выйдет у любого недотепы, стоит лишь со всей дури хлопнуть дверью, наплевательски, тем самым, поступив с теми, кто еще нежится в благодном забытии, и не тревожится о головоломных заботах, что набросятся на него по пробуждении, точно голодные псы.

Посему Краулер полежал еще немного с закрытыми глазами, но одна шавка, почуяв, что он притворяется, уже принялась терзать его плоть. Вампир чувствовал, что день, с его смертельным солнцепеком, позади, и, судя по некоторым симптомам, он по-прежнему на этом свете, – еще не на другом.

Оное соображение едва не вселило в него надежду и бодрость, почти вытолкнуло из гроба зарядом энергии, сообщить который способно только отличное утреннее... пардон, вечернее настроение, и, пожалуй, чашка хорошего кофе. Но, увы, Лео тотчас же окунулся в омут цинизма и отчаяния, будто прошедший день был всего лишь рекламной паузой в долгом сериале, чья атмосфера заполнена нуаром, мистикой, сюрреализмом и – особенно – гнусными личностями.

Наконец, с трудом собрав разбегающиеся, словно тараканы, скудные силы, Краулер открыл замки, запирающие гроб, и выбрался наружу. Чутье его не подвело: выглянув за портьеру, он увидел лишь доски, и сквозящую меж ними черноту.

Вот уж ночь настала.

Зева и почесываясь, альбинос нашел часы. 20:31.

«Экая рань», – проползла унылая мысль. А следом еще: «Я становлюсь настоящим трудягой».

Оглядевшись, Леонард заметил лежащий на стуле комикс, открытый в самом конце, где что-то происходило с чудовищем. Обложка была смята, но вампир не испытал в этой связи никаких чувств. Ему-то что? Он ведь не коллекционер.

«А вот Кридус, возможно, вырежет за это свое имя у Риппера на спине».

Эта мысль приподняла эмоциональный тонус Краулера, и, улыбаясь, он вышел за дверь чердака. Судя по всему, напарник провел здесь, у гроба, весь день, и удалился считанные минуты тому назад. Направление поиска задавал невнятный шум, проистекающий, конечно же, из кухни. Альбинос знал это с самого начала. Как стрелка компаса находит север, а перелетные птицы – юг, так и всякий оборотень, где бы он ни находился, безошибочно отыщет кухню.

В те края взял курс и Леонард, несколько застенчиво, по ходу движения, обозревая свои потрепанные – энтропией и «вампирским фактором» – фамильные владения. Присутствия чего-то или кого-то враждебного будто бы не наблюдалось, но поручиться Краулер бы не осмелился. В кучках извести и крысиных какашек, по крайней мере, крокодилийх следов не прибавилось, из приоткрытых дверей чуланов не торчали чешуйчатые хвосты, и, в целом, все выгля-

дело таким же, как обычно. Декадентских теней было сверх всякой меры, однако, ни одна не кралась за Лео, едва он рискнет отвернуться.

Это внушало некоторые надежды.

Ликантроп, взлохмаченный, растрепанный, потрошил холодильник, точно тот был его заклятым врагом. Занятие сие было в целом бесперспективным, – уж альбинос-то знал. С тем же успехом Дизель мог бы скрестись в белые кафельные плитки.

– Эй, добрый вечер, – поздоровался Краулер. – Что с тобой?..

– Ага, добрый, – буркнул Рип, и в сердцах захлопнул дверцу. – Что со мной, хочешь знать? Я отвечаю. Во мне просыпается голод. Жор уже близко, очень близко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.